

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 15 (893) АВГУСТ 1964

ДОБЫТЧИКИ КАСПИЙНОГО СЕРЕБРА

Рассказ Леонида Жуховицкого

ДЕВОЧКА ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ

Записки следователя

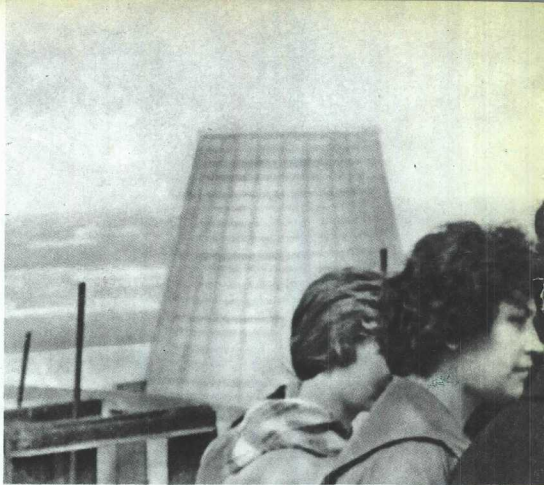
СМЕНА

К этому событию в Невинномысске готовились долго. И несколько недель после того, как узнали, что здесь будет работать Всесоюзная комсомольская школа инженерно-технических работников ударных строки Большой химии. И еще раньше: несколько лет, в течение которых коллектив задумки строительства проходил свои летние университеты... Приезжать должны были изучить многие проблемы — от руководства бригадами и подсчета до качества работ и роли «проектировщика».

...Утро. В скверике, что у входа на комбинат, соберутся молодые мастера и проробы из Красноярска и Кзыл-Орды, Щекина и Сулганга, Нижнего Тагила и Даугавпилса... Каждый сосредоточен, по-президентски придет.

Занятия начнутся в обширном скеламе и диаграммами зале заседаний СМУ-2. Парвый секретарь Ставропольского промышленного крайкома комсомола Виктор Казначев, управляющий трестом «Ставропольмострой» Игнат Тимофеевич Матюшенко, председатель Госстроя СССР Иван Алексеевич Колесников рассказывают о невинномысской стройке предельно коротко и энергично—перед слушателями сразу же встает захватывающая картина строительства.

Я вижу, как принали ребята к блокнутам, слышу, как Валерий Кругликов, мастер со стройки Красноярского целлюлозно-бумажного комбината, второпях бросает соуду:

НЕВИННОМЫССКИЕ

— У них люди знают, что будут делать завтра,— это уже здорово!

А в выступлениях и впрямь много радующего и интересного.

Первая очередь комбината сооружалась три года и восемь месяцев. Страна стала получать аммиак и карбамид, слабую азотную кислоту и аммиачную селитру. Перед прошлым годом декабрьским Пленумом ЦК партии окрещений, научившийся работать коллектив невинномысцев решил удвоить мощность предприятия в течение одного 1964 года.

После докладов им с иркутским прорабом Юрой Прохотомым бродили по улицам нового Невинномысска. Вперед, заслоня невинноуещеся предгорье, высились градири химкомбината, эти поистине циклопические сооружения. А здесь—возвезные пятиэтажные дома, латвийские автобусы на асфальтовых дорогах, широкий экраный кинотеатр, Дворец культуры. Я шел и просто любовался всем этим. Юра же вдруг забормотал, оценивая кладку стен:

— Уполки... Связка... Чистота.

И объяснил:

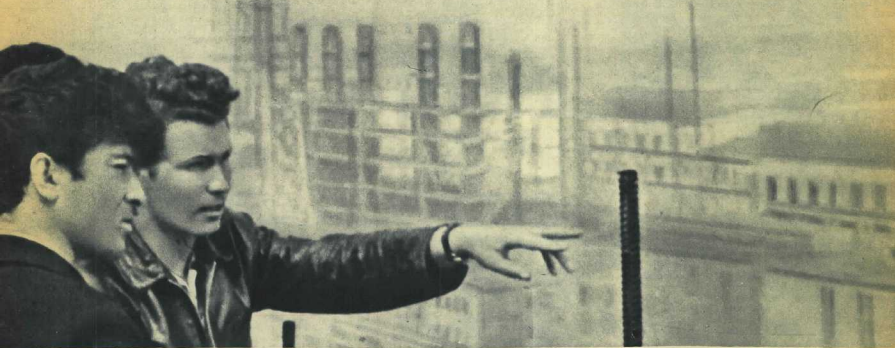
— Мне эта кладка говорит о многом. Ну, хотя бы... что тут такуещься рабочей силой ничтожная. Люди, которые так работают, дорожат своим трудом. Им не все равно, понял?

Ребята перенимали опыт профессионально, каждый стремился невинномыские дела и проблемы соотнести с собственными, увидеть их живую связь.

Пророб Жаскайрат Тонбулатов приехал из Кзыл-Орды. Этот черноволосый загорелый крепкий с таким темпераментом изучал стройку, с такой дотошностью задавал вопросы, что, право же, находиться рядом с ним было одно удовольствие: все легко узнаете, только успевай записывать.

Когда Жаскайрат говорил, то обязательно же-

УНИВЕРСИТЕТЫ

стиркуровал, и тогда его темно-синий пиджак ходил волнами, жесткий смоляной чуб встраивался, глаза сверкали.

— Вернусь, мне через два месяца цех на комбинате сдать. Приезжай, посмотришь. Записи: Кызы-Ординский картоно-целлюлозный... Мне вот так отдалу надо посмотреть, — Тонбулатов провел ребром ладони по горлу.

Когда два через два мы встретились, руки Жаскайрата стали описывать немислимые зигзаги, по пиджаку заходили волны, и я услышала:

— Эй, обрати внимание! У них потолок — балки перекрытия и плиты, как и у нас. Но зазоры замечательно заделываются. Скрываются ребристость стенок. Отличный розовый колер нашли. Переделкается с полом, с метлахской плиткой. А мы считаем: и так хорошо! Но у них-то в цехе красота! Производственная эстетика! Когда приходишь, увидишь, такой порядок наведу, закачешься!

И Юра Грохотов и Жаскайрат Тонбулатов не исключения из правила. Буквально все ребята пытались взгляды вали в строительный процесс, быстро постигали его новинки, замечали несовершенства.

...Есть такой строитель в Невинномысске — Анатолий Никитин. Он молод, и по виду его не скажешь, бывалый прораб. Но тем не менее Анатолий возглавляет сооружение комплекса аммиачной селитры.

В группе, что отправляется на участок Никитина, настроен таков: все узнать, все взять на вооружение, а если недостатки, вмешаться.

На снимках:

Старший прораб Анатолий Никитин знает здесь все до мелочей. Биография стройки — его биография.

На лекции Никитина есть что записать.

На территории удивительная чистота, несуетливо, хотя и многолюдно. И «открытия» начинаются сразу.

— Братцы, у них опалубка используется потрясающе, — замечает мастер из Соликамска Светлана Кондратьева.

Деревянное крепление действительно при закладке фундамента переносится несколько раз. Заинтересовались, остановились, достали блокноты.

— Все это так, — согласился красноярский мастер Валерий Кругликов, — но ты погляди на фундамент. Это, по-моему, бетон! Сосчитай, сколько раковин! У нас бы за такое дело — по шве...

Разговор шел долгий и нешуточный. Ребята потом выступали в трестовской многоэтажке, критиковали хозяев, долго выискивали причины замеченного «кляна».

...Лузли от завлесаей блокноты в красных обложках, топорщились карманы от разных бланков — по табельному учету, нарядам, подекадному плану работ, пошли в ход фотоаппараты...

После этого началось более глубокое узнавание...

Половина двенадцатого. В прорабской Никитина солнечно и многолюдно. Шутки, смех. Ждут, пока соберутся все бригады. А потом ребята спускают, начинается «бригадирский час».

То, что происходит дальше, поражает своей лаконичностью. Никитин задает короткие вопросы. Ему так же отвечают бригадиры.

НИКИТИН. Сколько людей вышло, Михаил Карпатович?

КАЗАРЯН. Двадцать два. Кран загружен. Прораб Никитин (снова телефонную трубку). Что еще? КАЗАРЯН. Арматура.

НИКИТИН. Это сразу не решим. (Он записывает и говорит в трубку: «Борис Григорьевич! В цех уехали дальше давайте кирпич только в поддонек. Есть!»)

ПОЛУЯНОВ. У меня вышло семнадцать. СЕРДУКОВА. У меня — девятнадцать. Бетона немного расходуем.

НИКИТИН. Это хорошо. Начнем плиты класть, там расход будет большой. Скажи своим: после четырех по бетону заключительное проведем — психрашиво вас немножко...

ЛОТНИКОВА. Моих десять вышло.

НИКИТИН. Значит, одна все же не вышла! Как у нее с квартирой? Ребенка в сад устроили?

ЛОТНИКОВА. Их же сносить будут. Говорят, трехкомнатную дадут. Насчет ребенка неизвестно еще.

НИКИТИН. Так... А бытовку в порядок думаешь приводить? Где обязательства, кто их видел?

ЛОТНИКОВА. Анатолий Иванович, мы ж там только-только...

НИКИТИН. Теперь я вам представляю гостей.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания сорок первый
Выходит два раза в месяц

15

(893)

ДЕКАБРЬ
1964

В. КАРДИН

«...Мы жили жизнью своей,
умели храбро умирать».

Много говорят: образ поэта — в его стихах.

Так-то оно, конечно, так. Не станешь творить картину не только окружающего мира, но и собственного портрета. Порой мы ловим себя на том, что нам не просто понравился какое-то строки, нам привлекательна человеческая личность, являющая за ними, хотя, собственно, о ней мы знаем совсем мало...

Поэты, погибшие в битвах Великой Отечественной войны, славны и своими стихами и своими судьбами. Вернее даже так: поразительным слитием творчества и судеб. Когда их жизнь оборвалась, когда осколком или пулей ставили точку в неоконченной строфе, это было трагическим финалом и вместе с тем самым высоким доказательством верности поэта своему идеалу.

Из поэтического слова не видно разлада с их жизнью. Оно подтверждалось каждым днем, каждым шегом, последним подвигом, закрепленным скрупулосной покорностью извещения: «Пал стрелой храбрый...»

Вот почему так хочется знать об этих людях, шагах, подвигах, о жизни, которая не могла полностью вместиться в стихи, поспешно написанные между двумя атаками, или в кабине бомбардировщика, или в рубке боевого корабля.

Знаюту таких сведений мало, совсем мало, несколько писем (хорошо, если они сохранились) и их можно прочитать), неполные и не всегда точ-

Рассказывать все как есть. Желательнее за действительно не выдавайте. Ну и, конечно, не хныкать по мелочам...

Я сейчас вспоминаю бригадирский час, при всей его важности, занял только двадцать две минуты.

Никитин запомнился мне разным. Вот он, наважский, крепкий, в короткой кожаной куртке, с шапкой русских вдов, шагает по строительной площадке, весело здороваясь с бетонщиками, шоферами, машинистами. Вот сидит, очень усталый, вечером в своей затененной прощальной и с каким-то по-студенчески внимательным выражением лица изучает чертежи, сметы.

Приехал в Новинномоск, Никитин сначала работал в армейском цехе. «Новинномоск» — определенно переоборудованные уставшие активисты — есть такая категория. Ему сразу дали десятку нагрузку. От природы человек исполнительный, Никитин везет. Его выбрали комсоргом: вот тридцать семь комсомольцев. Осмотрелся, поговорил с людьми, и через полгода организация насчитывала около двухсот человек. Кто приехал, да на учет не стал, кто давно хотел вступить, а тем, усталым, было несдушно...

На городской конференции Никитина избрали первым секретарем горкома.

— После меня в горкоме был Геня Стрижков. Он, конечно, посылнее: мог словом поддество-

ние биографические данные, официальные документы, бережно хранимые ядами и материями (много из них их почернелиши), свидетельства друзей, очевидцев (если, разумеется, эти друзья и очевидцы не разделили фронтную эста с самим поэтом).

А бывает, что нестранные зинетные графы (где, когда родился, учился, работал) вызывают вопросы, на которые уже вряд ли кто-нибудь сумеет ответить. Так случилось со мной, когда я прочитал биографию и стихи Алексея Лебедева, слова, сказанные о нем Николаем Тихоновым:

«Он любил море. Он ушел от нас в море, и море не возвратило его. Нам осталось только память о нем, память о талантливом поэте, сказавшем только первое свое слово, память о верном товарище и прекрасном бойце, преданном семье родины».

Кто скажет, откуда у пареня, родившегося в Суздале и прошедшего детство в Иваново, со школьных лет неутолимая мечта о море?

Любовь к литературе, к слову можно объяснить: мать-учительница сумела привлечь сына интерес к книге. Но почему подурный слесаря вдруг бросит гаечные ключи, молотки, зубила, едет на Север и становится матросом?

Наверное, на эти вопросы ответил бы сам Лебедев, остался он в живых. Но уже более двух десятилетий его нет. Стоит на полях его сборника, его имя носит одна из улиц Кронштадта. И мы снова и снова перечитываем эти сборники, пытаемся в короткую биографию, надеясь с их помощью восстановить облик и путь поэта.

Три года, еще будучи юношей, плывал Лебедев на судах Севморблота и торгового флота. А потом вернулся в Иваново. Надоело ли? Он работал

вать, шуток. А я больше экономикой занимаюсь...

Скромность — черта хорошая. Но никитинские товарищи да предприниматели города — острейшие добрых дел, куда вносились рационализаторские предложения молодежи, — сыграли свою заметную роль.

Еще я хотел отпустить...

— Я же не на легкое пропущу, — настаивал Анатолий.

И тогда бюро крайкома решило: если так, ступай на самый трудный участок.

Грандиозный... Сорок седьмая отметка... Сметные сроки... Несколько организованных контингентов, бетонируют, устанавливают. Сверхрельс стеной впер, мороз. А он, накиннувшись на работу, забыл обо всем. Сам взялся бетонировать — работа не сплавля, зашнурован... На другой день, плыву на снег — кровь. Воспаление легки. Два месяца лежал.

Вышел, встретил главного инженера химкомбината Нызова.

— Анатолий, будем по временной схеме карбамид пускать?

Карбамид — то, что нужно животноводству — это кислота подкормки. По плану чиз долины бы вступили в 1965-м. Пустили — в 1963-м. По временной схеме Нызова. Вал строительство Никитин. С его приходом на участке исчезли крик

и одновременно учился в строительной техникуме. Но он уже принадлежал морю, и иная судьба, кроме морской, была для него немислима.

В 1933 году Лебедев окончательно ушел на флот. Сначала он радист, подводник, а с 1936 года — курсант Высшего военно-морского Краснознаменного училища имени Фрунзе.

Балтика. Кронштадт. Ленинград... Солончатый запах моря, бронированные корпуса кораблей, нацеленные на горизонт орудия, золотая игла Адмиралтейства. Сбылась мечта Алексея Лебедева, мечта, наполнявшая его жизнь и окрылявшая его поэзию.

Каким он тогда был, как выглядел?

Н. Тихонов вспоминает о его крепких плечах боксера, чуть ли не чемпиона по боксу, говорит о нем как о всекоммунном, горном товарище, человеке с открытым взглядом...

Начинается война с финнами, и Лебедев на одном из кораблей Балтийского флота участвует в боях операций.

Великая Отечественная война. Лебедев, незадолго перед тем окончивший училище, штурманом подводной лодки отправляется на боевое задание.

В один из ноябрьских дней 1941 года подводная лодка, на которой плывал лейтенант Лебедев, не вернулась на базу: в Финском заливе она наскочила на мину. Штурман погиб вместе со своим кораблем.

Короткая Черная Гора Лебедеву исполнилось тридцать, но завидно прямая, мужественная жизнь. И такая же прямая, мужественная жизнь. Он выступил две книги стихов — «Кронштадт и «Мирка моря», печатались в газете «Красный Балтийский флот и газете подводников «Дозор».

и матерщина. Пришли доброжелательность и деловитость.

Рассказывают, у предшественника Никитина была особая техника — слезы. Тому выговор, того уволить. Анатолий сразу об этой тетрадке казды, а потом и потерял. Он был занят делом куда более сложным и трудным — хозрасчетом.

И вот результат...

Бывая с ребятами на участке, я видел, как машинистки из бригады Василия Полунова, выбрав из нескольких десятков подлоно три, перечисляли привезенный кирпич. С накладной не сошлось, меньше. Был пересчитан весь кирпич и недостающий завезен.

Или такое. В бригаде Сердюковой есть на первый взгляд не очень приметная девушка — Люся Любянова. Просто бетонщица. Просто комсомолка.

Стоит она с мерной линейкой, «пробует» бетон — и отказывается принимать его.

— Да что ты таква? — кричит шофер.

Тут подходит бригадир и умикает: бетона доставлено на полубы меньше. Звонит мастеру-бетонщику. Тот в ответ:

— Не может быть.

— Бригадир погляди. Лерчс-комсомолец, открывался просто. Щели в кузове заделывать надо. Хозрасчет — это экономика, это активность каждого работающего на стройке.

Достаточно посмотреть оглавления сборников Алексея Лебедева, чтобы убедиться: перед нами певец моря, флотской действительности, умеющий извлекать поэзию из повседневных дел, составляющих быт, учебу, службу, способный опозитивировать и ремонт шлюпки, и ошивку мостика, и артиллерийские таблицы, и даже строевую подготовку.

Но Лебедев не был ни однообразным, ни однотонным. Артиллерийские и сигнальные таблицы, шлюпки и бесконечные никогда не закончивая для него черновики советского флота и ведущего корабля. Свою первую книгу «Кронштадта он открывал стихотворением, которое можно назвать программным:

Я хочу не говорить о водах,
О штурмах, летящих от Халлоды,
Я хочу сказать о меридахх,
Побеждающих бешество погоды.

О бойцах, изведавших глубины,
Врегуемых пушки и рули,
Жующих уголь, знающих машины,
Выходящих в битву корабли.

О бойцах, которые мне плавают,
В дальних морях щель вестей не давая,
Добывать в storm юрку славу
И в Кронштадт с победой приходить.

Острый, пристальный интерес к людям и флоту заставлял думать о их прошлом, прослеживать традиции, искать предтечу. Ведь здесь, на берегах Невы, на траверзе Гангуту, у стен Кронштадта,ворачивалась история.

Свернула красный луг маяка, и в ночи фантазия снова перевзрывает чудо— вновь открывает галгунскую эпопею.

То не прибой в протоках шхерных
Гудит, как отдаленный гоним,
То в море пылают голуберий
На курс, уманзаны Петром.

А он навазом промозгий сбросил,
И под рубашкою простоял
Стук сердца в тант ударов весел,
Галеры дигающих в бой.

А. Лебедев знал прошлое флота, ценил и любил его, нередко писал о нем, чувств сложный дух истории и не довольствуясь батальным фоном. В стихах этих интонация порой колеблется от исторической до насмешливо-иронической. Он отлично понимал: есть история и история, есть прошлое и прошлое. Петр, Гангут, первые фотографии— это славное, дорогое, однако уже ставшее достоянием веков, померкнет из книг и только из книг.

Алексей Лебедев был певцом революционного героизма, революционных традиций нашего флота.

Вечерами в общности— разговоры. То тихие и неторопливые, то громкие и сбивчивые. Это коллективные раздумья над теми проблемами, которые есть на анюгах стройках. Или, эти проблемы, никого не оставляют равнодушными— ребята спорят, возмущаются, часто не соглашаясь друг с другом, а через день-другой на строительных площадках вдруг находят ответы на самые непростые вопросы.

Ребята долго говорят о той Божине, без которой не вышьшь материалю.

— У нас не потопавшь— не половецшь,— вздыхает мастер на Юнгоном Тагила Дима Анохин.

— А у нас на каждом прорабском участке диспетчерский пункт,—заявляет Светлана Кондратьева.

Это воспринимал с завистью. А тут еще подлив масла в огонь сулганский мастер Абузар Гасанов.

— У нас секретарь комсомольской организации бетон, раствор— все выбивает.— Дима Анохин исполосвался:

— Побили, значит, слабачки и гоняете? А все остальное он, небось, запустил...

Валерий предостерегает от этого зронения:

— Правильно, чего там! К сбавножению надо все единички подпочлать. А что, по-тобою, «проектор» истиничи да молонием должен расписывать?

Круглыми с присущия ему практицизмом про-

та. Своей излюбленной теме он отдавался со страстью, со всем жаром молодой души, с истинным, как говорится, богом данным талантом. Для него название известного в довоенное время фильма «Мы из Кронштадта» было исполнено высокого, исторического смысла.

«Мы из Кронштадта» был город, смехом оттого, что мог гордо себя считать товарищеский сказкой: «Мы из Кронштадта» Лебедев писал о прошлом, давнем и недавнем, но никогда не уходил в прошлое. Он жил сегодняшней жизнью флота: погодами, учениями, востаньями. Он был вареным сыном флота, моряком, чья жизнь и сердце— флот. Именно так: слово «Флот» писалось с большой буквы.

«В конце февраля 1941 года группа моряков-подводников Балтики совершила кронштадтский лыжный переход Ленинград—Выборг по местам недавних боев с белофиннами. Командовавший переходом лейтенант Алексей Лебедев вел путевой дневник, страницы которого заполнял стихами:

Вот дни из листков этого необычного путевого дневника:

Метет поземка, растаял снег, инизно,
Снег лижет нами тонким лызком.
Но красная звезда над обиском
Не тронута ни ижею, ни льдом.

И броня, отчужденная ясно,
Тяжелый щит, открытый о гранит,
О лавших здесь, о музеевте прекрасном
Торжественно и кратко говорит.

Преданность профессии, одержимость любимым делом не сужали кругозор Алексея Лебедева. Его искусство возмужало, он старался заглянуть в будущее, из души моряка и поэта предвещая войну, немелая «Слово победы» (так называлось одно из его стихотворений). Возможно, в перечислении условий победы есть некоторая умозрительность, зрен в сторону самых общих необходимых. Это объясняется, как видно, молодостью, боевой неискушенностью (стихи опубликованы за два года до войны).

Пройдет два года, и А. Лебедев, уже познавший, почему фронт фронтового и какой ценной достается победа, вернувшись из боевого похода, напишет стихи, свободные от малейшей умозрительности и иллюзорных представлений.

Да, нелегкое дело выпало на долю штурмана Алексея Лебедева, его сверстника и друга. Он рассказывает о них, небитых, пропавших солдатов, одетых в телляжины, «что зараз не отстирать». Чувствуешь усталость, измученность людей из телной стальной сигары, ведущей подальше вой. Они истомлены без солнечного света, без свежего воздуха.

Мы выплыли вверх— нам показалось странно
Так близко снова видеть светлый мир.

должал настаивать на «полкискевизу функциях «проекторатор, Анохин, наборот, больше знаком на массово-воспитательные. А я никак не ожидал, что их разговор получит неожиданную концовку завтра, на стройплощадке Невинномыска.

— Теперь к этому эки фотографии— и в просмотрит, чья возьмет,—довольно сказал Анатолий.

— Теперь к этому эки фотографии— и в просмотрит, чья возьмет,—довольно сказал Анатолий.

Анохин, а следом за ними Кругликов заинтересованно приподнялись. Никитин достал четвертое сложеный листок, развернул его— и все увидел: акт.

— Теперь к этому эки фотографии— и в просмотрит, чья возьмет,—довольно сказал Анатолий.

— Анатоин посмотрел на Валерию:

— Правильно «проекторатор» действую?

Тот помявчал и ответил:

— А что возвращает?

Одна из улиц Кронштадта носит имя поэта Алексея Лебедева.

Но светлый мир существует. Ради него подводники совершали свой смертельно опасный рейс, ради него снова уйдут в поход.

Эти стихи напечатаны в газете «Красный Балтийский флот» 31 октября 1941 года, накануне последнего рейса подводной лодки, на которой нес службу лейтенант Лебедев. А еще в августе он написал стихотворение «Тебе», где слово предсказал свою судьбу. И это гордое, горькое предсказание сбылось на его и нашу беду.

...И если пенные область
Назад не пустят ни на час.
И ты в коньверте за печалью
Получишь весточку от нас—

Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро умирать,—
Ты на штабной бумаге белой
Об этом жемчге прочитай.

Переживи внезапный холод.
Погода замуж не пошла.
А я останусь вечно молотом,
Там, в тайниках твоей души...

Шли заключительные дни работы школы. Ребята слушали лекции: о технологических картах на прорабства и физико-химических свойствах лодочных аспальтовых мастей; об аккордион-ремонтной опалте труда и комплексной механизации зевальных работ; о «проектораторе»; о хозрасчете; о диспетчерской службе.

Ребята дружно приходя к выводу: те удачные темпы, с которыми здесь вводят в строй пусковые объекты, достигнуты потому, что энтузиазм молодежи постоянно подкрепляется разумными организационными мерами, что ее стремление работать день ото дня лучше направляют и поддерживают вожаки дуמוлице и смелые— такие, как Никитин.

— Ребята торжеслись по домам. Жаскарат Тонбулатов на мой вопрос, понравилась ли ему стройка, ответил утвердительно и добавил:

— Приведу к себе, асучу рукава...

Юра Грохолов в последний паравресе цедил:

— Я о качестве работ своим рассказывать буду немного. Я, знаешь, сколько плевков истратил... Пусть смютрять!

Ребята обменивались адресами. Они еще напишут друг другу. И о них напишут. Об их делах. Школа в Невинномысском закончилась— работа продолжается...

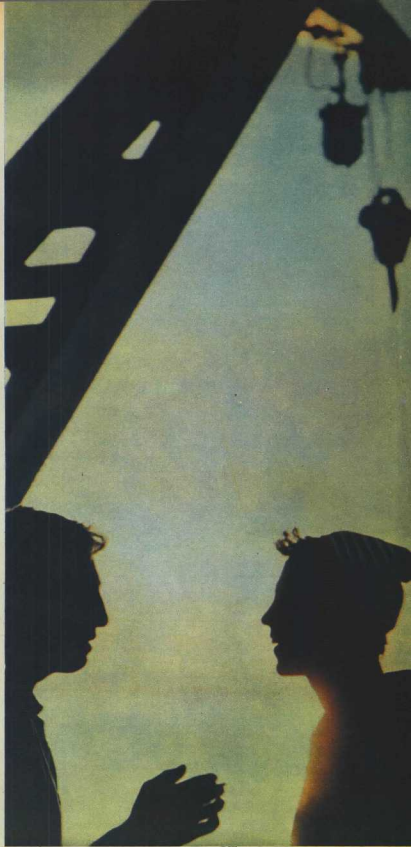
Борис АИАН

Фото С. ПЕТРУХИНА

Фоторепортаж
В. МИШИНА

„туркменият“ уходит надолго...

манер пришел в бухту Пирсагат ночью. На черной воде светлячками переливались огни рыболовецких судов, словно большой город сплал с берега и закатился на волнах. С рассветом суда, присосавшись к танкеру, как улитки, заправлялись горючим и водой и к вечеру уходили на промысел. Ушла и «Туримения».

...Капитан «Туркмения» Владимир Перерястов недовольно морщится: Большая луна взбирается по небосклону. Полнолуние — это плохо. При яркой луне косяки кильки поднимаются на свет и рассеиваются на небольшой глубине. Самописец

уже третий раз выводит на ленте свои штрихи: киль — грунт». На глубине от пяти до десяти метров появляются только отдельные точки. Это еще совсем не то, что заслуживает внимания. Нужен настоящий, плотный косяк кильки.

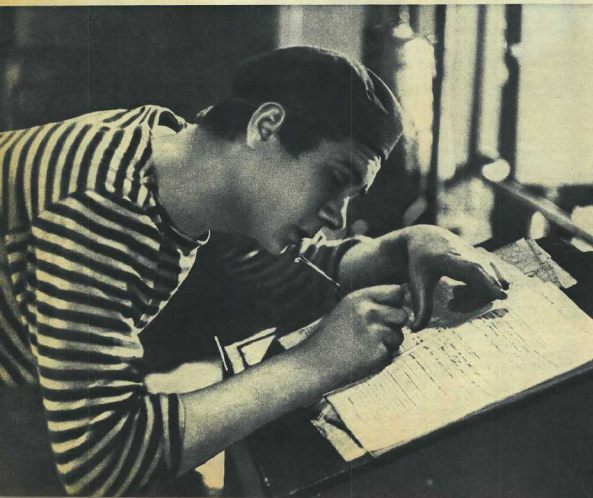
Прошли крутую апацию и включили эхолот. И сразу оба прибора отметили скопление точек: есть косяк. Стоп машина! Глубина десять метров. Всплывают под водой прожекторы. Горит в воде изумрудный круг, и в этот круг матросы опускают широкий шланг. В ослепительном свете мчатся силуэты рыбешек, поблескивают серебряными стрелками.

Выныривают из глубины, словно купальщики в блестящих шапочках, толени: тоже высматривают рыбу.

Кильки пока что мало. Рыбонасос качает в основном воду, которую отделитель выбрасывает обратно в море. Изумрудный свет стал агатовым — шланг уходит глубже и глубже. А вокруг «Туримения» — то там, то здесь — заиграли зеленые круги: другие промысловые суда тоже вышли на косяк. И пошла килька! Теперь она сыплется из жерла шланга нескончаемым, сплошным потоком. Володя Жуков едва управляется. Ящики с милой исчезают в окне и плывут под

И пошла килька!

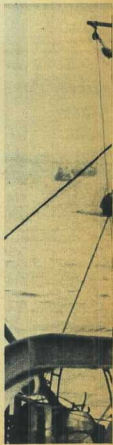

табличку «Береги холода» — в холодильник.

Разный ветер заставил мелкие судышки уйти в Пирсагат: в большую волну они не могут вести лов. Ветер срывает грёбешки волн, они мгновенно всплывают в свете прожектора и тут же разбиваются о борт «Туркменин». Свободные от вахты матросы уже спят. Только смена рыбаков-сачников в блестящих от брызг и чешуи робах продолжает работу. Идет килька.

Шесть месяцев в просторах Каспия. Полгода штормов, исподвольного, урывками сна. Только в летнее время Каспий затихнет ненадолго. На знойной палубе люди с усталыми лицами смывают водой из шлангов рыбью чешую. Высоко в зените нещадно палит солнце. Когда оно перевалит к другому горизонту, «Туркмения» поднимет якорь. Снова задрожат перфораторы и неотъемлемые самописцы примутся за работу: «киль — грунт», «киль — грунт». «Туркмения» обычно уходит недалеко: Каспий велик, и кильки в нем ловить не перестать.

«Вахту сдал! — Вахту принял!»

*Володя Жуков
едва
управляется
с ящиками.*

Прямо по курсу — косяк!

*Некогда отдыхать
Бригадиру
рыбообработчиков
Малику Ахмадулину.*

В вечерних сумерках сейнеры уходят на промысел.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Рисунок В. ЮДИНА

РАССКАЗ

В киоске на углу он купил шоколадный батончик. Потом трамваем он ехал на работу и дорогой читал статью в английском медицинском журнале. Статья была интересная, он понял это по первым абзацам, но на всякий случай дочитал до конца, хотя язык знал слабо и разбирать приходилось, пристроив на коленях карманный словарь. Он выгадал немного, минут пятнадцать, но все равно был доволен, потому что сегодня бесполезное трамвайное время стало рабочим.

От остановки до института было минут десять идти парком, и он, как всегда, торопясь, почти пробежал этот путь напрямик, между заснеженными деревьями, дёрна на торце асимметричного дома с огромным рекламным плакатом: «Самолеты экономят время — летайте самолетами!»

В вестибюле, у зеркала, он бегло проверил внешность. Рубашка была чистая, галстук как галстук, лицо как лицо. Врач должен быть аккуратен... Потом поднялся наверх, в клинику.

В его палатах (мужская на шесть коек, женская на пять) все было нормально, и девочка, лежавшая у окна, как всегда, поежилась и хихикнула при холодном прикосновении светоскопа. Он осторожно помял пальцами худенькое теплое тельце, пощупал живот, похвалил девочку за то, что все в порядке, и в награду дал ей шоколадный батончик.

— Спасибо, дядя Сережа! — воспитанно сказала девочка и еще поблагодарила улыбкой — не за шоколадку, а за внимание.

Летайт

Он виновато проговорил:

— Придется кольнуть. Ниночка.

— Ничего, дядя Сережа, — успокоила она. — У меня же с того раза все зажило.

И, завернув рукав широкой болонийской рубахи, показала ему руку с бледно синеватой веной и шрамом на сгибе.

— Я же уколол не боюсь, вы ведь знаете, дядя Сережа...

И он в который раз удивлялся тактичности, странной для его одиннадцатилет.

Уже потом, в ординаторской, санитарка подала ему письмо. Он удивился — письмо было не служебное и не от матери. Просто конверт без обратного адреса. Распечатал, обращения не было:

«Решая все-таки сообщить тебе, что у тебя растет сын. Ему полгода, здоров и, к сожалению, похож на тебя — надеюсь, только внешне. Разумеется, в наших отношениях это ничего не меняет и не изменит. Вот, соб-

стванию, и все. Уверена, что ты по-прежнему процветашь. О моих делах, дабы не отнимать время у ученых занятий, сообщу лишь то, что может тебя заинтересовать: жизнь достаточно хорошо, чтобы ни в какой мере не нуждаться в тебе».

Не было и подписи. Но он и так понял: Валерия.
Надо было ходить в лабораторию, и он быстро пошел вниз, в подвал. Но он пошевелил второго этажа и вдруг остановился и стал разбирать бумажки на почтовых штемпелях. Вышел Челябинск. Он не понял, почему Челябинск, она была коренная москвичка. Не понял и более важного — радость эта новость или неприятная, и изменится ли теперь его жизнь, и как изменится. Но когда он засовал пробирки в лабораторию, когда шел через двор в квартиру, думая о деле на ближайшем полчасе, где-то на периферии его мозга уже существовал Челябинск, существовал прочно, как ежедневная обязанность, и повзвать туда было надо, как надо ходить в институт, проводить пятиминутку, присутствовать на вскрытиях и разбирать со словарем статьи зарубежных коллег.

Вечер, ничем, ничем, приключило, палло пометом и карболкой. Но венская лаборантка засмеяла ему наскрону и с торжеством сказала, что у Динки и сегодня все нормально. Динка была двоюродная, беспородная, цесарка к жизни. Она держалась уже четвертый день сверх обычного срока.

Сергей извинил, но тут же хмуро сказал лаборантке, что это еще ничего не значит. Она обижено дернула плечком. А он подошел к клетке и заметил в собачьих глазах почти человеческое недоумение, заметил, как мягко подрагивает хвост. С этого обычно начиналось...

Что же так и должно было случиться. Опыт ставится не только затем, чтобы найти верный путь, а затем, чтобы отсечь ложный,— на это Сергей и настроивался каждый раз. За шесть лет работы в отделении он отучил себя надеяться на скорый успех — чем меньше надеждешь, тем легче разочаровываться потом. В этой области медицины лучше рассчитывать на неудачу, иначе долго не выдержишь. До Сергея в отделении работал оптимист, его хвалили на восемь месяцев...

В перерыве в столовой поминала санитарка сказала ему:
— Что это вы, Сергей Станиславович, Ниночке все шоколадки носите? Она же не любит сладкого. Грушу бы принесли, апельсинчик.

— Серьозно? — переспросил он и горчично покачал головой. Он почему-то думал, что это дети любят шоколад.

После обеда он снова вышел в ординаторскую. Он решил поехать в Челябинск как можно скорей, но еще не принял, даже решил, автоматически принял в уме, сколько это возьмет времени. Вышло дней пять. Он перелистал настольный календарь и понял, что как там ни крутись, а раньше, чем к концу месяца, не выбраться. Семнадцатого кончится эксперимент. Десятидневная конференция — четыре дня, восемь докладов, еще новое за год. Двадцать шестого Личини проводит решающую операцию, и если он пропустит ее — значит, просто не врач...

Он позвонил заведующему отделением и предупредил, что двадцать восьмого возьмет отпуск за свой счет на шесть дней по семейным обстоятельствам.

Уже перед полем он заглянул в женскую палату, пожурил девочку, лежащую у окна, за скрытность и пообещал завтра принести ей апельсин. Но на другой день зря, случайно, машинально купил в киоске на углу школьный батончик и, лишь войдя в палату, вспомнил вчерашний разговор.

— Сигароз, — сказал он девочке и постучал себя по губе. — Ради бога, прости.

Нужно что вы, дад Сержеж, — велинодушно возмущилась одна — она так тебе спасибо! Я же шоколад больше всего на свете люблю.

Он оглядывая ее по голове, она замурмыкала и вдруг еле заметно потерлась щекой о его руку. Мать девочки жила далеко, и оно было еще трое лет приезжать удавалось не часто...

В ординаторской, когда он снимал шапку и шапочку, сестра мягко спросила:

— Ниночку в бойс не поар?
Он ответил, что пока не надо, помиривши и откровенно почувствовал, что с каждым днем все трудней отталкивать от себя беспомощную, горькую

торопится в общем было некуда, по привычке нетерпеливо постукивал по стойке ребром служебного удостоверения.

На удивительную литературу у него было мало времени, он просто мог позволить себе читать что попало и брал книги по списку, составленному два года назад знакомым гуманитарием, очень серьезным парнем, хорошо разбирающимся в искусстве. Список делился на две группы. В одной были классики, начиная с Гомера и кончая Томасом Манном. В другой — современные писатели, о которых культурному человеку неудобно не иметь представления.

На этот раз он попросил Шекспира — из классиков, и Аксенова, продававшего по графе «неудобно не иметь представления». Библиотечка порокомодовала еще одну надушающую новинку. Но ее в списке не было, а отвлечаясь на необязательное он не хотел.

В вагоне было светло и цивилизованно. После скромных институциских лабораторий обилие никеля и пластика вызвало даже некоторую зависть. Он повесил пальто на блестящую трехрукую вешалку. Выпил чашку, присаненного производимого. Пустые стаканы в подставниках и синиевые обертки от сахара сразу придали куле обжитой вид. Он почувствовал себя на отдыхе, доставляемом «Трафаретной Шекспира и», посмотрел по предписанию, какое из произведений считается наиболее выдающимся, вынул с «Гамлета, прище двоякового.

Добродушная пожилая женщина, сидевшая напротив, сказала:

— Шекспира читаете? Вот уже кричат «Шекспир, Шекспир», а я до сих пор не закончила. Но это, наверное, больше для артистов...
Он попросил у него на минутку книгу, он дал ей прище датского, и она стала почитательно и удивленно читать вслух список действующих лиц.

Он вышел в коридор, посмотрел табличку с расписанием и опять стал думать, почему все-таки Челябинск? Но он и раньше в ни одного не поминал.

Он понимал, почему тогда, на две рожденья, из толпы легитимных, развитых гуманитариев она вдруг вырвала его. А когда сказала, что настоящий мужчина должен уметь молчать, он не понял, похвала это или издевка. Его поразило, с какой естественностью и быстротой случилось все дальнейшее, и они вдруг очутились на правах квартирантов в крохотной угловой коммуналке с двухметровыми стенами, ржавой балкой под потолком, интеллигентной хозяйкой и видом на Андреевский монумент. И долго поражало, с какой небрежной легкостью она, красивая, тонкая, современная, оставалась собой в коммунальной квартире, полной шорохов, ссор, коротких совозов и трагических коридорных интриг.

Ванны не было. Каждый вечер она обмывалась в хозяйском корыте соленой водой. Он учил английский, разложил журналы и словари на широченном подоконнике, и слушал плекс за спиной, легкое чмоканье в носик от лирической музыки... Это было почти ирреально — купола за окном, коммуналка со стенами почти кирпичной толщины и идиотское обязательное божеество, которое хотя и с ним, но все равно само по себе... Он вернулся в купе. Женщина, читавшая Шекспира, сказала:

— Все-таки очень увлекательно.

Надо было что-то ответить, и он ответил, что Шекспир — классик мировой литературы. Женщина истоиво занемала и как-то сразу почувствовала к нему доверие. Стала рассказывать, рассказывала о себе, о дочери:

— Она хонет в институт, а я рекординистка в медицинский. Сыи у насся летчик, старшая дочка — педагог, а она была бы врач. Самая гуманная профессия со всеми дачными, дачными... Две палаты, а представляю, какое это моральное удовлетворение — сделать человека вновь здоровым.

Он согласился. Хотя лично ему работа не давала этого удовлетворения вот уже шесть лет, с тех пор, как занялся болезнью Волфа. Анализы, диаграммы. Дачные, дачные, дачные... Две палаты, одиннадцатый человек — солдаты науки, как говорит старик Личини.

Женщина поинтересовалась, зачем он в Челябинск. Он сказал, что в Челябинске живет знакомая. Женщина поинтересовалась, задавая еще несколько вопросов и со значением заметила, что все будет хорошо, потому что она в этом уверена, а ее предчувствия никогда не обманывают.

мысль о том, что ерон подходит к концу, что остаток жизни этой девушки предвещать уже не на месяц, а на неделю. Ничего не понимая, болезнь Волфа поблекла не дает. Двадцать восьмой дню при нормальном течении плос четридцатидесятидневная отяжка, которую с таким трудом за полстолетия вытравли у нее врачи...

Он ответил, что покаяне, и посмотрел в окно. Косо летел снег, густой, как другой, эксперимент, вывоз, снова эксперимент и снова вывоз. А насчет Челябинск он вообще не знал, что было бы хорошо и что плохо. Знал только, что к его обязанности прибавилась еще одна и выполнять ее нужно четко и до конца...

— Я совершенно убеждена, — сказала женщина, — что она относится и будет симпатична. Но вы должны учесть, что девушки обычно скрывают свои чувства. Так что, если она вас встретит сдержанно, вы не отчаивайтесь — это еще ничего не значит.

— Я понимаю, — ответил он.

Сдержанно, не сдержанно... Конечно, это ничего не значит. И ночь неспать ничего не значит. Даже три месяца подряд, как выяснилось, не так уж много значит...

— Вы хотите с вами сделать предложение?
— Он пожал плечами. Онданки он уже делал ей предложение — в первое же утро. Он считал, что иначе она оскорбится. Но она отговинилась, поцеловала его в лоб, что згэг — это вневидит с печью и что она хочет любить его потому, что згэг, а не потому, что обязывает закон...

Женщина сказала:
— Вот мне, например, почему-то кажется, что она гордится.
— Пожалуй, да.
— И, наоборот, скрывает?
— Он сказал, что да и скрывает также. Женщина удовлетворенно закивала: она была довольна собственной проницательностью.

Показалась станция, и женщина заспешива в тумбуру доверять, флюиды и зеленые огурды. А в придорожье она успевала на дерзновенную, а в стационном бурега, и взгляду у него был такой сосредоточенный, что штурвал текла, и в паре она нервно разеварившая торговало экусской, понала его по-совому и завлекательно поналае огромным рыжим огурком, изогнутым, как бумеранг.

— Скрытая? Да нет, ничего она не скрывает. Как есть, так и говорила. Все как есть... Вот только попробуй рабераски!

Говорил, что ей нравилось его молчаливость, что ее просто удивляет регулярность, с которой он вечерами занимается английским, а по вторникам и пятницам ходит в медицинскую библиотеку, удивляет величьем упорством, с которым он уклоняется от споров, вечерники, знакомства — все это, что может послужить ригурларности.

А через два месяца, когда начались сроки, выяснилось, что ей надоело его вечное молчание, что на нее наводит тоску монотонность, с которой он вечерами занимается английским, а по вторникам и пятницам ходит в медицинскую библиотеку, и раздражает тупое упорство, с которым он отвергает все, что может послужить на эту монотонность.

И разошлись глупо — из-за двадцати минут. Ее мать возвращалась из санатория, надо было встретить. Он читал отпечатанный на стеклографе доклад крупного французского гематолога, а Валерия нерничала, торчала. Но он еще с вечера подсчитал, когда надо выйти, и теперь сказал, что глупо двадцать минут без толку торчать на перроне, лучше употребить их с пользой. Она усмехнулась и вышла.

Он оказался прав — дочитал доклад и успел вовремя. Мать Валерии проводила до дому, съезли по мягкой горке, поговорили о погоде на Черноморском побережье Кавказа, и он пошел в институт. А вечером начал голодать, и в запястье — яб не хватало — арфиометром.

Он почувствовал тогда горячу, пустоту и некоторое облегчение: в субботу можно не идти на именины...

Женщина вернулась с целой янхской флюид и самые лучшие протянула ему. Флюиды были теплые, арфиометр не чувт вилватата женщина уже начала плакаться. Шло и ночью, проводник разнес постели, и женщина, оборвав помысли на белле, с домашней акуратностью постелила сперва ему, потом себе. Она была полновесная, споровавшая, добродушная, споконятая тем устойчивым споконьем, которое дает лишь прочный семейный уклад, но даже по вечерам, когда она была одна, она была так же тиха, как и днем, при синем ночном фонарике, она все расспрашивала его, советовала, учила простодушным хитрством времени своей молодости.

Он соглашался, благодарил. Он понимал, что женщина искренне желает ему добра. И не в ее вина, что молодость человека не повторяется ни в детях, ни во внуках — похоже, да не так — и радости дружбы, и болизи гриппа. Вроде та же инфлюэнца, что и пятидесят лет назад, но что-то изменилось, и честная лодашная сыворотка ееих лишн годичной давности бемощиона против нудает...

Женщина уснула. Он тоже собрался уснуть под марширн стук колес. Но удалось это не сразу, к стужу мерному примешивалась аритмичный и потому возбуждающий стук домии в соседнем купе.

В Челябинск приехали к вечеру, в адресный стол было уже поздно. Он оставил чемоданчик в гостинице и немного прошарлся по главной улице, по бульвару. Город уютен, в общем, понравился, но он опять подумал: почему все так же Челябинск? Про Таллин Бундэкс и не так уж давно, что тем узкие улочки и серое море. Про Ярославль говорила. А про Челябинск — ничего...

Он поужинал в гостиничном ресторане, скромно запис котлеты чаем. На этакое коридорное свидание.

— Уже натужилась?... Это вам не Москва.
Он согласился: стыдно было признаться, что сам особой разницы не замечал. Улицы как улицы, дома как дома. Он попытался вспомнить Москву во всем ее величии, но, кроме Большого театра и высотных зданий, ничто не уж Челябинск. Про Таллин Бундэкс и не так уж давно, что тем Шестая строительная улица, ничем не отличающаяся от остальных пяти, институт (клиника, лаборатория, вварий), длинные столы спецбиблиотек, иногда конференц-зал академии. А между — отвсачивающая стелла трамвая или троллейбуса, медленнее удающаяся вверх створии медицинскою чурчурки и подвизывающей на колесках карьерный словарь. И еще тропинке через парк, в конце которой террас возмозжистого дома с огромной рекламой: «Самолеты экономят время — летают самолетами».

Он прошел в номер и немного поспал на стуле возле своей койки. Ничто из соседней не приходило, спать не хотелось. Посмотрел на часы. Было около девяти, и впереди — ни английского, ни библиотечки. Он увидал свободную вечеру и пошел в кино.

В ближнем кинотеатре шла комедия, в другом, за два квартала — драма. Афиша была завалена названиями фильмов, как раньше, еще до войны. Не сказала, приника к экономике, он просто не позволил себе потратить два часа на ерунду. Он вернулся в гостиницу и стал читать Шекспира.

Назавтра потеплело и поднято. На тротуарах хлопала грязь, неизменные к середине дня мостовые лоснились, а вот у них стал какой-то засале...

Он сидел в адресное бюро утром, а потом все день ждал вечера. Не то чтобы жи ожиданием, просто угнетали бессмысленно проходящие часы. И тому же не отступала канваддонная привычка, так что и умывался и ел и спал, но он устало не шло, а почти бежал. Даже читался плохо, потому что не в трамвае и не в ночи.

Валерия жила далеко от центра, в кирпичном доме спартанской постройки тридцатых годов: коридор вдоль всего этажа и две шеренги нулемеранных дверей по сторонам.
Он нашел ее дверь, долго вытирал ноги о маленький коврик и прохаживался по коридору, чтобы проверить, остаются ли следы. Потом постучал, подождал немного и открыл.

Небольшая, метра восемь, комната была пуста. Он поставил на пороге, отодвинул. Кровать, стол, паря стульев, шкаф. Между шкафом и стеной — занавески.

Но комната не казалась ни маленькой, ни скромной. Он отыкал от Валерии и теперь поразился, что даже в этом скромном доме она полностью осталась собой. Комната не была частью дома или частью города — она была сама по себе, неподвластная холощившей шторму подоконник на парусу. Лампочки видно не было, какая-то красивая самодельная загогулина скрывала ее за глаз, мигало отбрасывая свет к потолку. К стене был прибит темный сук, корявый, как оленьи рога. Даже грубо беленные стены и дощатый пол выглядели так, будто не специально придула Валерия.
Он начал осматривать холодильник, пылесос, большую репродукцию: с муляжом, как песок, женщина лежит на песке — длинноногая, длинношея, с непропорционально удлиненным грустным лицом. Раньше она висела в простенке в их с Валерией комнате, и, пока не прыжки, здорово мешали работать ее листки календаря, сложенные по порядку, плени и часы. Хотелось плюнуть на английский, на медицинские журналы и уехать куда-то на первом попавшемся поезде или просто уйти пешком. Ити и идти...

За год с немногим он отыкал от смутной женщины и теперь, вдруг увидев ее, опять почувствовал тревогу и сожаление, как человек, живущий в дельте километрах от моря и никогда не видевший его. Он еще немного постоял на пороге, поколебался и прошел в комнату. Отодвинул занавеску, там стояла колеска, обтекаемая, на больших блестящих ресорах, а в ней спал ребенок. Он мимално заметил, что спелая мальши правильно. Наклонился над колеской и, вытиная шею, стал сплетаться в туловище споконьею нудка.

По иде в нем сейчас должно было заговорить инстинктивное отцовское чувство. Но чувство не заговорило. Ребенок как ребенок, как те пять или шесть десятков грудных, что прошли через его руки за годы работы. Это в шесть месяцев дети похожи только друг на друга да на все человечество.

Мальчишко вздохнул, открыл глаза и пошелал губами. Сергей освободил ему ручку, тот ухватил его за палец и держал крепко, не отпуская. Сергей улыбнулся, а тот выбухнул и за стенок.

Он алду усомнился, что приерия вот-вот зайдет. Он осторожно разжал пальцы мальчишка, задвинул опять занавеску и сел на стул у двери. Он как-то сразу споконился. Все определилось. У него есть сын. Жена и сын. И слава Богу. У каждого человека должна быть семья, теперь есть у него. Сын — баловный, характер у него не мед и не сахар, куца знакомых, и на все нужно время, а его и так нет... Но, может, и лучше, что у него, скудного, размеренного медика, будет такая жена...

Она вышла с полным тазом в руках, неслет его осторожно и, лишь поставив на стул, обнурилась к Сергею:

— Ты! Почему ты здесь?
— Не «здравствуй», а «попоздравь»... Он пожал плечами:

— Она была в ситцевом халатике, но он ей здорово шел. Ее и раньше шло все, что ни надевала.

— А как узнал адрес?
— Штатм на конверте. А здесь — в адресном столе.

— Она усмехнулась:
— Ты! Почему ты здесь?

— Потому пришла и мальшу и спросила из-за занавески:
— Это ты ее распутал?

— Он пронулся, — объяснил Сергей.

Он так и сидел на стуле у двери, а пальцы, шапка на коленях. Раздетая она не предположила, а сама была в пальто, шапка, как раньше, сидела в нем, было присутствие. Она была в пальто, стройная, с тонкими, породистыми пальцами, что называется, интересная женщина, и в первые дни все казалось — даже когда она говорила, как его любит, — что вот сейчас она раскошетится уйти в лицо и уйдет...

— Ты! Почему ты здесь?
— Потому пришла и мальшу и спросила из-за занавески: что-то на подоконнике.

Он спросил:
— Почему ты в Челябинск?

— Не хотелось ходить в пазум по родным улицам.
— Почему именно Челябинск?

— Какое разнине! — сказала она, не оборачиваясь. — Могу быть Янхуск... Ты сиди в командирку?

— К тебе.
— Она села на край кровати, на серое с зеленым, в тон штормар покрывалу.

— Я понимаю, что ю мне. Но сюда ты в командирку?
— Я же сказал — к тебе. Взял откуп за свой счет.

— Он с досадой передернула плечки:
— Какая глупости! Боже мой, какая невелесть! Зачем я тебе написал? Ты, конечно, решила, что это вопль отчаяния! Скрытая просьба о помощи!

Слушай, зачем ты приехал?
— Он еще раз повторил:
— Я же сказал — к тебе.

— Он промолчал. Он не хотел с ней ругаться, не хотел попусту перебарываться ехидными словами. В эту игру она его перигавот. А он приехал не играть в слова, совсем не за этим...

— Поход бы лучше в дом отдыха,— сказала она.— Мне лично ты ничего не должен. Понимаешь? Я тебе не люблю и не ненавижу. Просто ты мне не нужен. Вообще не нужен. Ты в какой тожди зрелищ.

Голос ее звучал резко, раздраженно. Он вдруг сразу успокоился. Она злилась — это было привычно. Он снял пальто и повесил на крюк у двери.

Она с усмешкой сказала:

— Ты и немешь видя... Ты уже кандидат?

— Кандидат.

— Я так и думала,— снова усмехнулась она.

Он сказал:

— Зачем ты все это?

Его не трогали колкости, просто по привычке жаль было времени, уходящего на бесседельную болтовню.

— Зачем! — переспросила она и встала. — Хотя бы затем, что я у себя дома, а ты не самый приятный из моих гостей? Ты хочешь, чтоб я тебе радовалась? А ты кто мне, собственник? Ты мне не муж, не любовник и не друг детства. Так что уходи из моей жизни. Вставай себе так, как мне нравится. В конце концов я свободная одинокая женщина. Мать-одиночка — слыла такой термин!

— Я не знал об этом, — сказал он. — Ты же знаешь, что не знал.

Она не оправдывалась, просто констатировала факт.

Она подошла и столу и слегка оперлась на него бедрами:

— О, безусловно. Как истый труженик науки, ты расстроен. Когда у меня было плохое настроение, ты покусал мне шоколадку или предлагал пойти в кино — в выходной, разумеется. Суббота — банный день, воскресенье — день культурных развлечений.

Она подошла и столу и слегка оперлась на него бедрами:

— О, безусловно. Как истый труженик науки, ты расстроен. Когда у меня было плохое настроение, ты покусал мне шоколадку или предлагал пойти в кино — в выходной, разумеется. Суббота — банный день, воскресенье — день культурных развлечений.

— Ты могла сказать...

Он все так же сидел у двери, только теперь без пальто и на коленях держал на шпалу, а руки.

Она ответила:

— Конечно же, могла. Я все могла. Например, могла понять, что ты. К сожалению, шоколады настраивают на иррический лад.

Он промолчал, только сел поудобнее, привалился затылком к дверному косяку. Уходить он не собирался.

Тогда она снова села на кровать, повозилась, тоже устроившись поудобнее, и сказала:

— Ну! Я слушаю. Ведь ты, наверное, приехал зачем-то?

— Ты сама понимаешь.

— Но ты все-таки можешь объяснить?

— Тшшш... показал он взглядом на занавеску.

Она судила глаза:

— А мамаша, молодой отец приступил к родительским обязанностям?

— Он спросил, помогаю:

— За что ты на меня злишься?

— За что? Хотя бы за то, что ты ни в чем не виноват. За то, что я даже не могу назвать тебе подделку. Ты же меня не обманывал. Все было как говорится по доброй воле, согласно. По-доброму встретились и по-доброму разошлись. Только тебе осталось стоять, а мне ребенок.

Она говорила с ним холодно и презрительно, почти грубо. Но и грубость не трогала. Не тронула бы и брань, крики, истерика, даже угрозы. Все это было, в общем, привычно, хотя бы потому, что на сотни больных всегда найдется один такой, и еще потому, что в районной больнице, где он начинал, было психиатрическое отделение... Он подождал немного и спросил:

— Ты можешь ответить серьезно?

— Допустим.

— Что ты собираешься делать дальше?

Она покачала плечами:

— Жить, учить детшек иностранному языку. Зарабатывать на хлеб и молоко — ему сейчас без молока не обойтись... Ах, ты имеешь в виду мой общественный статус? Да, собираюсь выйти замуж.

— За кого?

— Какая разница? Простое я не хочу, чтобы у моего сына был прочерк в метрике. Имя без отчества.

Он спросил не сразу:

— А если там будет стоять мое фамилия?

Она подняла голову и посмотрела на него:

— Прикажете считать это официальное предложение?

— Как хочешь.

— Так, — сказала она. — Пrawdложение руки, жиплцодства и кандидатской ставки. И сердце. Разумеется, сердце. Она вздохнула. — Замечивчо. К сожалению, ребенку нужно не только отчество, но и отец. Не будем об этом говорить.

* *

За окном, где-то в начале улицы, раздавалось негромкое звяканье, видимо, ехав грузовик с железом в кузове. Он приближался, пронзительно и резко прогрохотал под окном и снова затих в отдалении. Оба посмотрели на занавеску. Но мальчик не прорусился.

— Как его зовут? — спросил Сергей.

Она нахмылило покачала головой:

— Трогательная картинка. Счастливы отец интересуется именем шестимесячного сына.

Он подождал немного, но она так и не ответила. А переспрашивать он не стал.

Он понимал, что все это не разговор. Ведь она знает, зачем он приехал. Значит, должна сказать «да» или «нет». А пока злился, все равно не ответил.

Он вдруг подумал, что комнату она, наверное, снимает. Он спросил:

— Ты сколько платишь за комнату?

— Двадцать рублей.

Она помолчала и устало проговорила:

— Не надо, Сергей. Я знаю все, что ты можешь мне сказать. Ничего не надо. Не надо замуж, не надо денег, не надо моральной поддержки

сыну. Провишет. Неприятно, конечно,— у всех папа с мамой, а у него мать-одиночка.

Сергей спросил, не глядя на нее:

— Тебе, наверное, нужно много сейчас?

— Мне! — Ее голос снова стал холодным и презрительным.— Только одно — маленькая война. Мирное время не для матерей-одиночек. Уж я бы придумала ему такого папу — героя.

И И оплыл от жалости, молчал, молчал безразлично, только что не зевал. Обинять.

Она на фразу — это роскошь не для врача.

— Ну, хорошо, — неожиданно спокойно проговорила она. — Вот я перестала злиться. Что дальше?

— Ты знаешь.

— Что знаешь?

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

— В качестве кого?

— Вероятно, в качестве жены.

Она покачала головой:

— Конечно. Такие вещи делаются сразу. Теперь я слишком хорошо знаю, как это будет...

Она рукой попоробовала воду в тазу и сказала:

— Ты прости, мне надо пеленики стирать. Тебе не будет шокировать эта проза? Впрочем, ты же врач.

Он спокойно глядел, как она сгребала ворох грязных пеленики. Эта проза его не шокировала, и не вызвала жалости тонкие, породистые пальцы, перебиравшие зажатую флаanelю. Когда-то он был брезглив, обильно брезглив, как всякий нормальный человек. Постепенно это прошло, и не только потому, что он перестал думать, но и потому, что он становился все более врачом, все глубже вникал в анатомическое тело и все больше уважал его, как умный мастерской уважает материал.

Валерия вышла сменить воду в тазу, вернулась и вновь приналась за пеленики.

— Теперь я слишком хорошо знаю тебя, — сказала она, не отрываясь от стирки. — Ты просто згонист, добродорядочный згонист. А если уж выбирать из згонистов, я предпочла бы прямого подделка. По крайней мере откровенно.

— Почему згонист? — сдвинуло спросил он. До сих пор поток колкости и оскорбления проходил мимо него. Но теперь он повторил:

— Почему згонист?

— Самый настоящий згонист, — сказала она. — Ты, твоя работа, твои больнички, твоя докторская диссертация... Ты!

— У меня нет докторской.

— Еще будешь кандидатская уже есть?

— Иначе мне не дали бы группу.

— Совершенно верно. Твою группу... Так вот я не хочу быть твоей женщиной. И хочи занимать эту штатную должность. Не хочи доводиться до делить мне и сыну.

— Ну, а как хочешь?

— Хотела, — жестко поправила она и усмехнулась. — Банально. Всего тебя, как говорили наши бабушки — все душу.

— Ну, и что ты будешь с ней делать? — хмуро спросил Сергей. Он глядел на нее исподлобья. Вот и год прошел, а разговор опять уткнулся в ту же самую стену. Но дальше уступить он не мог.

— Это старый спор, — сказала она. — Я уже слышала, что ты принадлежишь человечеству. Но я не думаю, чтобы существо человечество принесло тебе, кто не способен дать счастье человеку — хотя бы одному, самому близкому.

Валерия выкрутила пеленики, распрямляла, движением шеи поправила ворот халатика. Мыльные руки она держала далеко перед собой и время от времени поддевала рукава.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ну хорошо, — сказал он. — А твой вариант?

Она горко усмехнулась:

— Вариант! Боже ты мой, как я в тебя была влюблена! Как дура. Умилась даже. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ну хорошо, — сказал он. — А твой вариант?

Она горко усмехнулась:

— Вариант! Боже ты мой, как я в тебя была влюблена! Как дура. Умилась даже. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ну хорошо, — сказал он. — А твой вариант?

Она горко усмехнулась:

— Вариант! Боже ты мой, как я в тебя была влюблена! Как дура. Умилась даже. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

— Ты не сердись на меня, — сказала она неожиданно мягко. — Наверное, это жестоко так тебе все говорить. Ведь не упрекаю же горбатого за то, что он горбатый... Наверное, ты даже не понимаешь, о чем я говорю. Ведь ты врач. Кибернетическая машина. Просто ты слышал, как принято у людей, и считаешь, что мне неприятно. Принято чистить зубы — ты чистишь зубы. Принята женщина — значит, должна быть женщина. Ребенок тоже принят... Ты думаешь, я не знаю, как будет, если мы переедем к тебе? В твою программу впишется еще один пункт: сын. Такое-то количество рублей ежемесячно и такое-то количество душевной теплоты.

ГОЛОВА

Это очень вульгарно звучит, но иметь бы
Я физически много работал и даже кроваво
Ничего не подвешив, это естественно, но я бы

Не иметь про запас никаких дополнительных хтел
Для пустых разговоров она бы годилась вполне,
А для самого главного, или, вернее, тяжелого,
Удавалось бы нитку свою настоящую голую.

Все то,
Что случилось,
В себе им несва
И то, что случилось должно...
О чем ни подумало — обо всем
Я думал уже давно.

И все,
Что, казалось бы, я не пойму,
Я понял, хотя не вполне.
И что это именно лишь потому,
Что все это зреть во мне.

И только поэтому
Загрязненной дель
И должен мыться с утра,
Что мне его было затеять не лень,
Хотя и устал я вчера.

Уйда,
Вы davvero хлопнули,
Браниться влюбляться,
Ногою об пол топнуть...
Я буду все прощать.

Вы будете кричать,
Браниться влюбляться,
Рычать, сопротивляться.
Я буду все прощать.

Вы будете возмущаться,
Браниться, мочу умоете
Прощать. Но там не мена
Я буду все прощать.

И это ощущать
Вам будет все труднее.
Я буду все прощать —
Я вас в стократ сильнее!

Она еще принадлежала клинике, еще составляла одно целое с историей
проста и определенной работой — уже не лечебно-научной, а
просто научной. Но еще больше она принадлежала ваны, родителю,
извещенным осторожной телеграммой, земля, по которой не прошла и
пятой части отмерянной ей природой пути.

Вчера еще у нее было имя — Ниночка, был возраст — одиннадцать лет.
Но в два часа ночи она полностью пробрела всю свою дорожку из
бытия в небытие, и как, забытые сделкой на подоконнике, отсиживая
последние свечки ее жизни, начали отступать несчетные, уже безраз-
личные ей века.

А на улице было зно, позванвал легкий морозец, Сергей, вернувшийся
с работы, мог бы его и не заметить, но, торопясь парком к институту,
почувствовал, что скользит ногами. Он посмотрел вперед. Засынанный
«ТУ-11а» на рекламном плакате был освещен солнцем и блестел, как вло-
чная игрушка.

В ординаторской, подавая ему халат, санитарка сказала:
— Как вытаны, Сергей Станиславович, Ниночка? Умрала.
— Когда? — спросил он и не сразу надел белую, люющую от крахмала
шапочку.

— Ночью, а два вроде. Зина дежурила.
— Она еще в боксе? — спросил он автоматически, как спросил бы о
любим другом.

— В боксе.
Он прошел в бокс, аккуратно, хотя в этом не было необходимости,
принрав за собой обе стеклянные двери, и принадлея просто. И в
самом деле поз был оскорожен, надела законченную, с такой ценно-
ной быстротой превращаясь теплое, мягкое в движущий, каждый длян-
ником удивительное тельце — а тело. Девочка была уже чужая, неподжи-
мая, на желтой коже проступали фиолетовые пятна.

Он вышел из бокса, идя аккуратно прикрыть за собой обе двери. Он
и дальше все делал аккуратно и правильно, но как автомат. Терять чело-
века всегда тяжело, а потерять эту девочку было тяжело втрое.

Как палатный врач, он вел ее уже больше года, привык к ней, при-
выкзался и, как ни странно, уважал больше, чем кого-либо из взрослых
больных. Старик Лямкин, профессор из земсна, любил повторять, что
клинические больные — солдаты науки. Эта малышка была хорошим
солдатом. В клинике она освоилась быстро и не терпела, а просто жила.
Она была спокойная, общительная девочка и плакала куда реже, чем ее
здоровые сверстники, а если плакала, то не в целую, а для себя — Сергей
ни разу не слышал от нее расчетливого, с логическим, рева. Она чест-
но глотала таблетки и терпела, даже привлекла протанала наструнку
шприцу гуденую, с исколотыми веннами руки. Эта малышка была чело-
веком, она умела радоваться, умела даже в голый белой палате. Летом ра-
довалась солнцу, а зимой — снегу, а в дождь радовалась, что дождь.
Радовалась даже большим котлетам, даже цекотке от холодного при-
косновения стенокоса к груди.

Эта девочка была надежным товарищем в работе, они боролись вме-
сте, она делала все от нее зависящее и не обманула до самого конца:
она жила, жила упорно, жила, пока оставалась хоть какая-то возможность,
жизни до предела, до краешка.

Он сказал несколько слов санитарке и пошел в ординаторскую. Он
услышал, как звякнули колесики о кафельный пол, и подумал, что дорожку
надо придвинуть к своим дверям. Потом колесики звякнули еще раз —
санитар катил тело в санитарию. Маленькому солдату науки предстояло
выйти последний бой — прыгание, проб, счас. Потом толстая тетра-
да с подполковой пухлой палочкой анализом вырастет еще на несколько
леток, переместится в особый шкаф и из истории болезни окончательно
станет историей смерти...

Он был обычным, нормальным рабочим днем. И Сергей работал как
обычно — пятиминутку, обход, вневпазная операция, заместительное пе-
реливание крови, затем виварий, лаборатория...

Но работало плохо, разболтанно, девушка, целый год так здорово
помогавшая ему, сегодня мыслла. На обходе в женской палате мыслла,
что четыре поставь вместо пяти, и до снова странно было прозреть
мыслю пустого боа... Он не любил говорить, не умел шутить с больными,
только к этой девочке подходил обычно с шутливой фразой. И сегодня цел-
ый день мошала эта несказанная фраза.

А после два в лабораторию неожиданно, на беззвучном поезде, он вдру
покусовал, как слезы с силой давят на глаза. Засынанным, оном
быстро прошел в пустой кабинет заведующего, сел в кресло к двери и
привал телефонную трубку к щеке, слушал непрерывный гудок, пока
слезы не отпустили горло.

Уже перед концом дня ему сказали, что мать девочки ждет в приме-
ном. Он продиновал толстенькой лабораторной все, что нужно было записать
в журнал, и пошел к выходу. Он еще не знал, что скажет этой мель-
ком виденной несколько раз женщине и как «подготовить» ее к тому,
о чем она не может не догадываться.

Он никогда не умел «готовить», любая вничка делала бы это лучше,
но работа о родственника по должности полагалась ему.
Женщина ждала в приемной — маленькой комнатке, где всегда стоял
графин с водой и в особом шкафике — пузырек с вальерной и наша-
тыром.

Но на этот раз к наштаыро прибегать не пришлось. Женщину готови-
ла больше года: с момента, когда подтвердился диагноз. Так что,
получив телеграмму, она сразу поняла, в чем дело, и выплакала за доро-
гу. Она уже узнала все, что он должен сказать, и в ответ на первые же
его еще безликие фразы горестно и покорно кивнула.

Он замолчал и опустил голову.
— Когда можно ее забрать? — спросила женщина.
Он ответил. Она хотел сказать, какая она была хорошая девочка, про-
сто замечательная, он больше не видел таких, но вовремя сдержался.
Не сейчас об этом говорить и не матери...

Женщина ушла, а он все сидел в голой комнатке с кушеткой, графи-
ном, вальерной и наштаыром и все говорил с ней, все пытался объ-
яснить, что девочку так ушла не только от матери, но и от него, что он с
радостью отдал бы ей три года собственной жизни, не для слова, а
вправду отдал бы, да вот нельзя: смерть в игрушке не играет...

Он поднимался по лестнице в клинику, с этажа на этаж, и все думал,
как паршиво, как нелепо полнучилось: ведь хотел, ведь клался себе быть с
ней до самого конца, свами трудные часы, а вот не вышло, умерла ночью,
пока он стал в поезде, и теперь уже ничего не варнашь, непоправимо,
вновь перед ней навсегда...

Он перебрал бумаги в ординаторской и думал, что вот и перед Вале-
рией виноват и перед мальчишкой, имя которого ему так и не сказали...
И перед матерью виноват: уже два года не ездил к ней, закнутился...
Валерия варно сказала — работ, избыточеская машина, вся его жизнь,
как тетрадный список в клеточку...

Он перебрал бумаги в ординаторской и думал: ну я как бы был? Рабо-
та — надо. И литература по специальности — надо. И эксперимент есть
эксперимент, тут уж как ни крутись, а два вечера в неделю отдай. И язык —
надо, без языка некуда... Говорят, у других получается. И он раньше так
мечтал быть культурным врачом, гармонично развитым человеком —
и наука, и искусство, и спорт. Мечтал, а вот не выходит. Другие могут, на-
верное, они способный, или работа позволяет, не так торопится. А ему
гнать и гнать, пока сил хватит, нигде не денешься, люди-то умирают...

Он перебрал бумаги в ординаторской и думал: вот Валерия сказала, что
завершено, а работу не любит. Любит Да за что же любить, такую
работу? Вот уже шесть лет, седьмой побой — и никакого просвета! Смерть
за смертью... Дознут мышь. Умирают собаки, судорожно подергивая ла-
пы, мучая глазами лаборантов. И люди... Шесть лет — и хоть бы один
больной ушел отсюда на свои ноги! Любить Да с чертовой матерю ее,
такую работу, любили бы не все, убавлял бы и отговаривал не стал...

Он сидел в ординаторской и терзал бумагами. Он знал, что нигде не
убежит, нигде он не денется, потому что люди умирают, а он врач и
знает эту болезнь, немного знает, но больше, чем другие. Нигде он не
уйдет, потому что он работ, а для дела это полезно: его данные всегда
безуоризинаны. Главная, даже шесть лет неудач для нормального
человека многого, а тут — больше. Вольфа, и надо рассчитать себя
надолго, может, на всю жизнь...

Заглянула сестра и сказала, что в операционной все готово. Он кивнул,
аккуратно сложил бумагу в стол и шагнул к двери.

— Шапочку, Сергей Станиславович, — мягко напомнила сестра.

РОМАНТИК

5

ИСКУССТВОМ
ПРОВЕРЯЯ
ЖИЗНЬ

Я СНОВА ШКОЛЬНИК

МАЛЬЧИКИ
ИДУТ
В ПУСТЫНЮ

ОГОНЬ В ТАЙГЕ

Александр СВОБОДИН

ДЕВОЧКА
ИЗ
КНИГИ
ОТЗЫВОВ

А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?

Николай ЗАВОЛОЦКИИ

На художественных выставках можно заметить людей, которые не только смотрят картины, но и читают записки в книжках отзывов. Они заглядывают друг другу через плечо, обязательно смеются, улыбаются вроде бы про себя.

Но не писать нельзя. Так же, как нельзя не читать. Пишут в книжки, желая утвердить себя и убедить других. Читают их, чтобы удостовериться, что и, кроме тебя, еще кто-то думает так же, и не веряте тому, кто равнодушно читает скучную, абстрактную улыбку: «Знаете, так... любопытно, что пишут». Просто ему невольно присниться, что он тоже заслужит похвалу.

* * *

На одной из больших выставок я протиснулся к концу. Я делал это и раньше из тех же самых человеческих побуждений, о которых уже сказал. Но в этот раз, читая отзывы и разбирая трудные почерки, я думал о людях, срывающих отзывы, о том, как складываются их отношения с искусством и как было бы интересно написать ного-нибудь из них и порасспросить, почему он думает так, а не иначе.

Наконец я решился. Выбрал самую бескритическую записку: «Все картины на выставке мне очень понравились. Но особенно хорошо выполнены картины художника Л. Изображение настолько правдиво, что вызывает желание прикоснуться и виденному. Много больших и ярких картин, но очень пестрых. Зачем эта

Н. А. Островского

THE
YOUNG COMMUNIST
LEAGUE

1955 MEMBERSHIP CARD

"My dearest possession is life, and since it is free to him to live but once, he must so live as to feel no torturing regrets for years without purpose: to live as not to be spared with the shame of a cowardly and trivial past; so live, that if God he can say: 'All my life and all my strength were given to the finest cause in the world—the liberation of mankind.'"

ЖИЗНЬ

...рое корректных юношей в просторных комнатах Музея-квартиры Николая Островского. Он говорит по-английски, останавливаясь у стендов.

— Чем бы вы хотели услышать? — обрывается я к юношам.

— Расскажите нам, как формировался характер Павла Корчагина.

— Павел Корчагин — любимый герой совет-

ской молодежи, — начала я. Но гости перебили: — Почему вы думаете, что Корчагин любил лишь своей молодостью? У нас есть парни и девушки, любящие Павла Корчагина, но не представляем себе советских людей пожокими на него. На нас очень интересуют советские люди. Все мы куда-то стремимся, у нас определенные планы, идеи. Нам нравится титаническая воля Николая Островского и патристичность, сформировавшийся характер такого человека, как Павел.

Как ответить на такой вопрос? Ведь вопрос практически о том, что отличает советского человека от тех, кто живет в мире капитализма.

— Вот здесь, у меня братцы, чтобы жизнь на земле была прекрасной, — так думал Павел Корчагин. И думая о жизни, он сказал: «Самое дорогое у человека — это жизнь». Я не стала цитировать всю фразу молодого человека, гудибом убежденная, что приехавшим из капиталистической Англии интересна лишь основная мысль.

— А почему вы не поможете перевести нам слова Павла о жизни? — спросила одна из девочек.

И прочтала на вымпел по-английски весь текст.

— У моей сестры эти слова висят в рамке в ее комнате, — произнес второй.

Признаться, я, проработавшая в музее добрых два десятилетия, даже не удавала этого сообщения. Поэтому не могла воздержаться от вопроса: — Откуда вы так хорошо знаете не только имя Николая Островского, но и слова героя его книги?

— Это крылатые фразы напечатаны на вымпел комсомольских бригад.

С волнением я держала в руках тоненькую книжку розового цвета. На обложке юноша и девушка, фразы по-английски: «Лига юных коммунистов» и «За мир и социализм». А ниже также по-английски написано: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Чтобы не жечь слез за подвешенное и мелочное прозябанье, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

На прощание юноши подарили мне два буклета комсомольских бригад молодой Англии. Один лежит на стенде, а второй побывал со мной на комсомольских стройках Абакан — Тайшет, на Братской ГЭС, в Иркутске, в молодом городе Байкальске и во многих других местах. Везде, где я рассказывала о Николае Островском.

Д. СОКОЛОВА,

ученик секретаря Музея-квартиры Н. А. Островского.

Диомид КОСТЮРИН

Диомиду восемьдесят лет. Он закончил Московский университет, работал механиком в текстильной промышленности, занимался техникой и начинал жить.

НАЧАЛО

Я больше не умею верить сказкам, больше не Бугенный и не Цирк. На чердаке мой плащ, книжки и маска.

А мама говорит, что я подросток.

За окнами в дождь и туман город. Сгустился вечер сумрак на окне. Нюх и мурлыканье хорда. Ничего не осталось мне больше на стене.

Теперь я стал солидным и серьезным. Пытаюсь Достоевского читать. Нюх и мурлыканье хорда. Ничего не осталось мне больше на девять своих пятъ.

Порой ночами длинными не спится. И думаю подругу я о том. В него я не забываю, когда люблюсь, чтобы мечтать и мучаться потом.

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Над крышами дом ступитесь, Выдвиг с утра бесчинствует, Выдвиг по удушливой прохладе. И наидый из них единственный.

Он составил мира С непотрошенным миром, Нюх и мурлыканье хорда. Вмешествуем звание штри.

В нем слышатся человеческие и словачные силы. Нюх и мурлыканье хорда. Распишу над небом крылья.

Он едет в автобусе тесном. Ему наступают на ноги. Он вышел на Красной Пресне. В пальто, застегнутом наглухо.

Он идет, непрерывно шагая, В свете реклам таинственным, Он не забываю, когда люблюсь. Его одного: единственного.

Романы

пестроты? Разве нельзя рисовать гладко?

Нинке выведено аннотацию: «Тамара Трошина, ученица 10-го класса».

Тамара Трошина... Где-то живет девушка, которой нравится в себе две с половиной тысячи картин художественной выставки. Тамара — единственная зрительница ведь человеку, имеющему опыт жизни и опыт обращения с искусством, не может нравиться все.

Тамарина школа оказалась в Коломенском. Нашла она в музее-квартире. Посмотрел список школьных экскурсий, посетивших выставку в этот день. Тамара на выставку одна не ходит. Предположение возникло не только оттого, что Тамара — школьница. Выглядели в записи Сколько времени девушка пробыла на выставке? Ну час, ну полтора. Ее записи быстры. Она внутренне смеялась. Ее отклик не вызвал долгие раздумья. Это след обиды яркого впечатления. Игдт, Коломенское.

Когда-то оно считалось «за городом», а теперь просто одним из районов Москвы. Попать туда можно на электричке с Павелецкого вокзала. На платформе пришлось спуститься на развлекательную мостовую, пережить платформу, пережить переходы шоссе, пережить поток грузовиков. Воиры, возмущенные жидкой дождю, составлявшие ровные вавилы. В глубине одного из них стояла обычная пятиэтажная школа, построенная из ирландских блоков.

Я смотрел на школу. Сейчас в этом доме я вижу девушку Тамару. По этой дорожке она ежедневно пробегает на уроки. И в проеме шаталово рассматривает то, что она ежедневно видит.

Иду медленно. Направо высокая решетчатая спортивная площадка. За решетчатой пустой площадкой, за решетчатой ниной нет. И парадный дворец ведет к месту, откуда ступают. По обеим сторонам их больше серые бетонные тумбы. Все серого или черного цвета.

Я открываю двери, покрашенные новой краской, той самой, которой красят двинки и прочие деревянные части в вокзалах, полагаю, что эта краска сотворена господом богом вместе с железодорожными транспортом.

Я в стене. Длинное, узкое, не очень светлое помещение. Приподнятой формы. Стена прохладная, художественно оформленная. На ступенчатом pedestal, отделанном тем же материалом, возвышается аллюминиевой краской статуя. По обе стороны от статуи «мониторы». На красной полотнообразной полоте богатых орнадах, под стеклами, на зеленых буквах, выгравированных, повторяется репродукция из «Огонька».

— Тамара, вот товарищ Александр Петрович хочет с тобой поговорить!

Директор школы, еще молодой человек, в белом пальто, выслушал, прописав это строго, даже официально. Первую минуту он не двигался, лишь мерепренте. Тамара заминулась, как ученица, не выучившая урок. Она ушла, забыв о своем посещении художественной выставки

и то, что она там видела. Она спешит, переменилась с ноги на ногу и, оглянувшись на дверь, Тамара выдвигается, крутясь девушка с милым, улыбающимся лицом. Она немного гадает, какова естественная привычка высоких людей.

— Ну, а что тут такое, я не понимаю. Ну да, она все очень понравилось, а разве это нельзя?

Разговор не получился. Мы только успели выслушать друг друга, и она, дождавшись, пока директор закончит свою речь, выходящая радостно, выскользнула из кабинета.

Существуют любители «прямых взглядов», однако во всем, что касается отношения человека к искусству, «прямые взгляды» не слишком плодотворны. Но все-таки есть что-то общее между записью Тамары Трошиной и теми, как оформлена ее школа. Может быть, это общее проглядывает в стремлении к определенному цветному порядку? Вспомните: «Разве нельзя рисовать гладко?», это, конечно, о другом, а все-таки: поменьше разнозго! — вспоминается затеянный Тамариной привяз.

— Александр Петрович, ну смиритесь, в эти дни я не вижу по-настоящему, — глаголю у всех один!

— Один? — один, да взгляд разный! — Ну, как вы хотите, я бы платил не такое, как у вашей подружки.

— Что я, подручка, что на шероховатости с маэстрошной ходит? Так то не так.

Так начался наш разговор о живописи и художниках. Дома Тамара не могла сказать, что характер ее хлопотливая домохозяйка, из

тех женщин, чьи руки вечно в следках какой-нибудь домашней работы, любящая принимать гостей. Разговор вышел из домашней, уютной, несоблазна. И наидый из них единственный.

Он составил мир С непотрошенным миром, Нюх и мурлыканье хорда. Вмешествуем звание штри. В нем слышатся человеческие и словачные силы. Нюх и мурлыканье хорда. Распишу над небом крылья. Он едет в автобусе тесном. Ему наступают на ноги. Он вышел на Красной Пресне. В пальто, застегнутом наглухо.

Он идет, непрерывно шагая, В свете реклам таинственным, Он не забываю, когда люблюсь. Его одного: единственного.

Он едет в автобусе тесном. Ему наступают на ноги. Он вышел на Красной Пресне. В пальто, застегнутом наглухо. Он идет, непрерывно шагая, В свете реклам таинственным, Он не забываю, когда люблюсь. Его одного: единственного.

В нем слышатся человеческие и словачные силы. Нюх и мурлыканье хорда. Распишу над небом крылья.

Александр Файнберг — студент филфака Таукинского государственного университета. Предлагаемое читателю стихотворение — первая публикация А. Файнберга в центральной печати.

ВАЖНЫ ДВА

Я снова школьнин.
Такая история!
Ночные воршишки
в отпрыгую раму...
Дверные ручки
блестят в коридоре,
Пустые классы
молчат, как храмы.
Плыву на цыпочках
мимо вахтера
Сивого вострибильные
длинные тени
В десятый «А»,
скользя по полотером,
Сажусь за парту,
Сбивая колени.

Я снова школьнин.
Пишу диктанты,
И на контрольных
У Цирульмана
Соседней парты,
шипя «Атаанда!»
Сую шпаргалки
по всем карманам.
Наш лысый Цируль!
Урони — ширин!
На фокус наш
он нервы тратил,
И с первого «А»
до последнего «А»
У всех шпарировалась
Его плафонная голова.

С первого «А»
до последнего «А»
Усвоемо легкое
решенье два.
Все треугольные
решенья.
Мамы на вечер
приглашены.

Другие диктанты,
другие масштабы.
Гудели вокзалы,
ругались поробы.
Вставали над нами
неотчетные стены.
Звенели
мешковатые перемены.
От тех перемен,
словно чертн, шалае,

Мы туго скагывали шинелеи.
Шагали.
Мишени дырявили в тирах.
Печки топтали
на зминных квартирах.
И, зрительному постигая,
На кусок бусующий
нагеляли.
Учили сержанты
конкретно, снато.
Цедян быальные
«Салавата...»
Мы утадали,
мы задыхались,
Но, обнялись,
опять поднимались,
И, хлопнувши
«Гребни сапоги семимильные»
По солнечным лужам
разводры чернильные...

Но вот погони
сданы старшинам.
Асфальт, шкестати,
убегает под шинами.
Нас провозжат
поковычки из штаба.
Другие вокзалы,
другие масштабы.

А ночью согонял
набрался я смелости,
Через оное
А тедатство зрелости.

Снова под лотн
наполнил плоскосты,
И слово заочное
рукопожатие —
Инициалы
и папирозы —
Забытые мне
момом проволондательем.

Спасибо, дружище!
Чернако спичкой.
Обрывает формулу
с доски белоег.
Я снова школьнин
и по привычке
У подножия
звучусь к Бугаеве.
Тройки, пентри...
Дальнее давнее...
Как в грязных зринках
Буквы и гавани...
Сершим стали
низине стены.

Кафедра —
словно в стене
уменьшительном...
Я снова школьнин.
Иду перемены.
Хочу подотти
и своему учителю.
Хочу поаантиса
Такая история.
Дивачин — докосты.
Урони — ширин.
Но я не дождусь
звонка в коридоре.
Чтобы сказать:
«Прости меня, Цируль!»

Не знал я, что в мире
так много хорошего.
Не знал я, что были мы
очень тесными.
Что в янтон пальто
есть большие галюшах
Без нас ты одианды
ушел из школы.
Что время затнкет,
сенунды чекания,

И, глядя в больничным
ириной потолон,
Беспомощно вадут
замигаешь очками,
С болью получае
последний звонок.
И разбегутся
корошники белые,
Халаты тревожно
метнутса из тнм...
И даие профессор
уже не сделает
Тога,
что так групо не делали мы.
Прости меня, Цируль!
Я бы не плакал.
Но трудно дается нам
дваиде два...

Пустой коридор.
На двери
в полуредре
Мебчатца табличка
«10-й «А»».

игрой. Есть еще телевизор «Ренова» на тумбочке, покрытой белой ажурной салфеточкой. Сам телевизор покрыт другой ажурной, тонке ажурной, с мерехой. Нинелированная чроватка с шарнирами, простой стол, накрытый снатьерто с ажурными кружевными узорами, этажерка.
Мы продолжали наш разговор о живописи —
Ну мне нравится, когда все хо-

решо нарисовано, когда все как это-стоице, вот я и написала про этого художника. Ведь он же хороший художник, правда же хороший!
— Мне больше нравится другой! —
Вам, наверно, нравится всякая пестрота. Так воле не много разных разных мажичи, но ведь на самом деле она вам не нравится.
И Тамара все дополняется, что же я думаю «на самом деле»...

Когда мы пришли в Третьяковскую галерею, она принадлежала, что впервые идет на выставку в такой «узкой» юбилейной.
— Да ведь можно и одной!
— Да что вы, Александр Петрович, синуиной!
Выставка художника Врубеля, на которую я ее пригласил, разложил в залах второго этажа. Большой плакат, вывешенный на фасаде, предупредил нас об этом. Но сразу на выставку Тамара не пошла. Я не настаивал. А спутница моя мимо мажичис «Начало всмотреть» пройти не могла. Как и большинство людей, редко бывающих в музее и на выставках, она болблала что-нибудь пропустит.

Войдя в зал, она бросилась к самой большой картине. Большая картина была заморочена, наборного багета, толстая, как удав, рама немолжно притягивала ее. Фигуры людей, нарисованные в настоящей росту, многочисленности толпы, наобразной художником, ярие краски обступали Тамару, захарчовали. Она не отдавала себе отчет в том, что ме нравится ей в картине. А нравилась ей, хотя она не знала этого, сама возможность человеческими руками созодать такую картину. Изобразить все, как настоящее: и наготы, и шлепы, и знамена, и шелк, и бархат, и парчу. Умение художника передавать материал отпартисало ее. Ей нравилась и то, что она видела, все понимала. Изобразила на была Украина XVII века. Она знала горю, в историю происходило действие, поминив из истории. Знала, как зовут деятеля, в торжественной позе и в одежани, в облексе шляпы, бархата, драгоценных камней застывшего на парадном

крыльце, по ступенькам которого инспала дорогая новер. Ей нравилась, что художник написал картину так, что ее можно смотреть и издали и аблизн. Тамара обернулась но мне, ища сочувствия своего восторгу. Я молчал.
— Да ну вас, Александр Петрович, выдумайте любую, выдумайте!
— Да ну и «опята», Тамара сказать не могла и рассердилась.

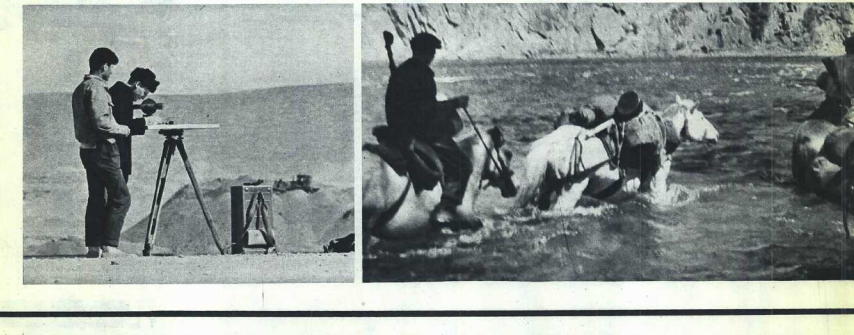
Ну что, я уж совсем духега, что ли! Ну это же хорошая! Ну посмотрите — всея нравится!
— Побеге дальше, Тамара!

В отношении людей и произведений искусства есть что-то малопонимающее любовь. Разве возможно объяснить влюбленному, что предмет его любви нехорошо!
О, если бы искусство действовало так сразу! Тогда не пропадали бы даром усилия старательных курсоводов, с кузнечийной логикой и скарпачиванием, почему та картина плоха, та иингда не годится, а вот та, несомненно, хороша. Собственный опыт. Ничто не заменит его человеку. Я мог бы сказать Тамаре, что оинововавшая ее картина на безнадзено плоха. Плоха потому, что правду событий, совершающихся в муках, в кровавых расприх, в страшных противоречиях, она подменила примитивной ладенной оперной сценой. Что люди на картине таинке одинаковы, как будто бы для всего этого множества фигур художник позировал один и те же два-три человека. Я мог бы сказать Тамаре, что картина написана по рецептам оперной живописи прошлого века, по тем самым рецептам по которым создавались многочисленные давно и справедливо забытые, пылящиеся в

Романтик

ТАМАРА

темных заласканных огромных холсты: «Визид государя императора тулуд-то и тулуд-тон. Не я провозачил. Потому что знал, что Тамара снимает свое непроверженное: «А мне нравятся! Что я, дурака, что ли...»

Мы все ходим по залам галереи. Тамара по-прежнему ничего не пропустит, только теперь она почти не задерживается у картин. Она устала. Краски и золотые рамы перемешались в ее голове, образована стремительно снабучающую нуду-то, невообразимо разномощную мозанку. И в таком состоянии Тамара пошла в зал, где всю стену занимала картина Сурикова «Волыны Морозова». Она ее и раньше знала по репродукции и по первой своей экскурсии в Третьяковскую галерею, и картина не показалась ей слишком хорошей, особенно в сравнении с той «гладию» картиной в нижнем зале, на которой так хорошо были изображены бардыт и шенки. Испуганная героиня Сурикова, на которую Тамара долго смотрела, была ей несимпатична. («Сущаяшвыдкая канач-ч» — сказала она.) Краски были слишком криме (интенуатурными).

— Ну хорошо, конечно, хорошо, здесь все так изображено подробно. Не ведь карисованно-то кое-нам, ну по-добудте же!

— Зачем же я буду подходить: ведь художник рассчитывал на то, что я буду смотреть с определенного расстояния! Ведь в кино ты не следишь в первый ряд, а здесь, сидеть в глазах бурет, а здесь бунтуеши!

Я не протиснулась в объяснения — большая молчу. Мне как-то обидно становится за Суринова, но потом я понимаю, что так и должно быть. Суриков, у которого в отличие от того художника, что в нижнем зале, нет

ни одного «проходного» лица, а все лица вырывают неполюторные характеры и все явным для общего настроения, Суриков властно требует внимания. Он был великим колористом и создавал в своих картинах цветовую идю. Его соседи не залились потрогать. Он был не малюванкист, а художник. Он создавал гармонично цвета и направлял эту гармонию на общую мысль картины. Оттого-то, видимо, Тамаре его цвета показались слишком пестрыми, неестественными, вне как в жизни.

После я обо всем этом думаю, мы подниваемся с ней в залу Врубеля. Ничего хорошего и не жду. Врубеля сейчас достанется. Как же никак? Уж если такой как будто бы понятный и разъясненный художник, как Суриков, не провалился и ее сердце, то куда Врубелю, художнику — во многом странному, испроству...

Перед залом Врубеля мы садимся на стулья и минут десять болтаем. Я говорю, что мне надо отдохнуть. Это хитрость — отдохнуть надо ей. Она достигла своего предела зрительной восприимчивости, но не подорожает об этом. Разговаривая о Баскетболе, о последних первенстве страны, о пресинге и прочем явном и блестящем спортивном и больничном. Потом идем и Врубелю.

Проникнуть неограниченно. Она смотрит на «Демона», на закатное поле, окрашенное светом нездешнего мира. Там, среди цветов, покосились на морозные елочки, расположились Пин с перьями-утром баском в глазах. Смотрит и молчит. Она встревожена. Отглядывается на меня, переходит к другой картине. Возле «Сирени» сто-

ит долго. Там кто-то скрывается, в сиреневой гуще, или там никого нет? В шифоновом дворе летит томе сирени. Когда идешь вечером, кажется, что кто-то стоит за кустами. Или это только маякнет? Нет, там все-таки кто-то есть. А сирени там много, томя, кроме нее, на свете ничего нет. Она плав, обнимает черно-лиловой мглой и запахом. И вообще странный этот художник: куда-то манит, чего-то недоговаривает. Тамара смотрит: мажик, мажик, мажик — она, как ходила кисть, лепила руки Демона. Но красна обдувает что-то новое. Это новое светится. Светится крыльям Царевны-Лебедя, гонят глаза Пана, огонь в глазах исплани, движением страстным, как взмах нимфалы, отворачивается от мажера. Тамара взволнована. Для меня это полная неожиданность.

Врубелю — художник словесный, нелогичный. Он любил сказку и тайну, а вот взволновала девочку, которой все надо «как настоящее».

Врубелю подытожилась на девушку так, как может и должно действовать на человека искусство. Он приносился и тревоге, что мила в ней. Притягивающими красками, мажидей неважноюностью он завел ее на игнорение в страну пещишь в ней предчуждый. Эта гогонность и жизнь, порождающая мачу в молодые годы — неоплоторное по напряженности чувства время.

До этого Тамара воспринимала искусство со стороны, словно через дорочу. Она знакомилась с ним, «проходила», стремилась увидеть все новое и новое. Ее исподу хотелось быть вьсье ундеть: и картины, и спектакли, и кинофильмы, и мивашк актеров, и плятья антрис, и танцы балерин, и десити тысяч ирмачишь людей на стадионе. Главное, чтобы не было пауз. Сосредоточиться долго на чем-нибудь одним Тамара было трудно.

Назлось, что в этот самый момент в другом месте происходит еще более замечательное. Искусство давало ей одну только радость — своему впечатлению.

У человека бывает в жизни минуты полного, потрясающего все существо его слухания с искусством, когда оно уже не слыит, а глотит воду, который угловоит мажну. На выставке Врубеля я стал свидетелем такой минуты в жизни Тамары.

Потом на улице Тамара распростила меня о Врубеле, о его жизни. Она возвращалась и Врубелю и через неделю и через месяц. Он мелкая в ее разговорак. «Как у Врубеля...» — говорила она о чем-нибудь, хотя это было совсем не как у Врубеля.

Идут дни. Я езжу в школу в Иомосенское, говорю с ребятами об искусстве, бываю у Тамары дома. Тамара вечно в движении. Ее неизменноид вперед фигура воткак сорвется в бег. У нее прежнее увлечение — баскетбол, танцы (она разучивает лисий и оперетта. Искусство, которое ей сейчас нужно, — это искусство, где главное — движение и яркость и где все мавамо сразу. Грусть так грусть, радость так радость. Оттого, любит она всецело танцевальные фильмы, вроде «Серенады солонейной долины», или такие спентики, как «Вас выждает Тамашар», где много светлоса, всегда луганца и нетраивной бурной переживания влюбленных с первого взгляда. Легкий астрадрий концерт по телевизору она может смотреть весь Ачь и весь вечер.

Ей трудно читать длинные романы и ходить в театр на медленные, как она их называет, пьесы, где надо следить за сложными отношениями героев и обдумывать каждый их шаг.

После двух туров группа лидеров чемпионата расширилась до двадцати человек. Плотность результатов очень высокая — ведь участники, замыкающие эту группу, набрали 75 процентов возможных очков и всего лишь на 5 баллов отстают от первых кандидатов в победители. Отлично выдвигает ряды лидеров и двух девушек, их ответы говорят о хорошем знании спорта.

Итак, представляем лидеров чемпионата «Романтика»:

В. Маслов (ст. Искоторая, Артынский обл.) и **В. Морозов** (Исково) — по 20 очков из 2 возможных; **В. Ермаков** (оба — Казань); **Н. Лымыкин** (Армавирский), **В. Мартынов** (Пермь) — 19; **В. Аксенов** (Магнитогорск), **В. Бочарев** (Куйбышев), **В. Улюков** (Курск), **В. Филоненко** (г. Александрия, Кировоградская обл.) — 18; **Г. Мамиников** (Москва) и **Л. Молчанова** (Новосибирск) — 17; **В. Богомолов** (Волку), **Э. Костиченко** (Иркутск), **Тамара Любимович** (Днепропетровск) — 16; **Ю. Валидин** (Саратовский), **М. Давеев** (п. Аджикбулат, Азербайджанской ССР), **А. Мерцалов** (Оренбург), **В. Рукавов** (Куйбышев), **Р. Тухатуллин** (Уфа) — 15 очков.

В 1968 году рекорды мира в плавании были поставлены на 800 метров и 800 ярдов. В момент установления рекордов обеим спортсменкам было по 15 лет. Два последних вопроса по плаванию требовали назвать самого быстрого в мире пловца (обладателя абсолютного рекорда скорости) и классика мировой литературы, переплывавшего океаны. Поблизости обилие вопросов участникам. Безошибочно назвали бразильца дос Сантоса (100 метров вольным стилем на 53,5 секунды) и великого английского поэта Джорджа Гордона Байрона. Три вопроса были посвящены военной теме — популярной игре, зародившейся около ста лет назад в Англии. Как известно, в 1960 году и в правила этой игры были внесены изменения: князья встречались не лично, а по телевидению. Ответом на этот вопрос является название популярной настольной игры — шахматы.

В самом «старом» виде легкой атлетики относится бег на одну, две и 24 стадии (одна стадия равна 192,27 метра) и пятиборье (пятиборье), состоящее из бега на одну стадию, прыжков в длину, метания диска и копья (пять вид пятиборья — борьба). Они входили в «счет» древнегреческих олимпиад. Знания истории спорта требовал и последний, десятый вопрос: «Назови предмет, являющийся «предком» современного легкоатлетического молота?». Отвечая на него, участники вспомнили не только о составных шотландских кузнечих и урудоков по металлу, но и о добывании кузнечного молота, но и о добывании шахтерских угля, зная, что в прошлом соревнования по метанию горного обруча.

Великим соревнованием был посвящен третий вопрос. Требуется назвать имена олимпийских легкоатлетов — чемпионов Олимпиады в Риме. Как известно, этот почетный титул завоевали 11 советских спортсменов: Ирина и Тамара Пресс Люд-

мила Щенцова-Лассено, Инна Пономарева, Людмила Бабкина, Людмила Озолина, Петр Волотинкин, Роберт Павлаков, Василий Рудников, Виктор Дьячков и Владимир Кузнецкий. Два вопроса были отведены для любителей легкой атлетики — прыжкам в высоту. Первым в нашей стране двухметровый рубеж преодолел заслуженный мастер спорта, прыгнувший в 1937 году на Кавказе, прыгуньями в высоту, чемпионом СССР, Илья Котликов. В настоящее время чемпион СССР, чемпион Европы и мира в прыжках в высоту, перелетавший волны, перекат и парашютизм, — не забывая при этом узнавать, что Валерий Брумаев пользуется пеленкой своим прыжком.

Наибольшую трудность для читателей составили прыжки и сельвой вопросы — о мыслях достигших юности и девушек в основных видах легкой атлетики. Сообщаем эти результаты. Юноши: 100 м — 10,5 сек., высота — 2 м 20 см, длина — 7 м 74 см, ядро — 17 м 78 см; девушки: 100 м — 17,7 сек., высота — 1 м 67 см, диск — 45 м 10 см, копье — 51 м 92 см.

Разошлись мнения участников в вопросе о самом быстром бегуне мира. Назывались имена Кари, Питтона и других известных спортсменов, и лишь немногие вспомнили о результате, показанном в 1963 году немцем на США Робертом Хейсом, пробежавшим 100 ярдов (91,44 метра) за 9,1 секунды. В период своего выступления спортсмену удалось пробежать 400 метров (минимум) быстрее, чем в настоящее время метаются чемпионы мира и методики занятий легкой атлетики продемонстрировано во многих странах. Вопросы о «чужом дышании» и различиях между бегом и спортивной ходьбой.

Многие письма, присланные в адрес судейской коллегии чемпионата «Романтика», содержат не только ответы на вопросы о прыжках и прыжках по дальнейшему ходу нашего турнира. В ответах на вопросы о «чужом дышании» и различиях между бегом и спортивной ходьбой.

Первая серия вопросов чемпионата «Романтика» (см. «Смену» № 3, 1964) была посвящена плаванию, вольному пловцу и прыжкам в воду. Отвечая на первый вопрос, большинство участников правильно отметили, что кроль — чисто спортивный вид плавания, а брасс и «на спине» имеют большое прикладное значение (формирование вольных прыжков, спасение утопающих и т. д.). В ряде случаев высказывалась уверенность в не работоспособности спортсменов в условиях похолодания. Сравнительно недавно развилось «брасс» — «обратный брасс» и «дельфин». Горняк о советских спортсменках, обладавших одновременно и чемпионскими и рекордными титулами в плавании и в водном поло, читатели называют деинградцев В. Битвева и А. Смирнову, московских хористов В. Ушакова и М. Шелхова, армейца В. Соловьева. Как ни странно, но многих не было в заключение посвящено в этом номере фото известного ватерполиста Иванова, хотя широко известно, что нашаты неодиноким чемпионом страны — мексиканского «Динамо» даже в лучшие свои годы не показывал хороших результатов в плавании. Множество имен молодых рекордсменов СССР и мира упоминается в ответах на третий вопрос. Это говорит о хорошей спортивной эрудиции участников нашего чемпионата и о некоторой их неадекватности. Ведь речь шла о самых юных рекордсменах: севастопольской пионернице Галине Прохуменчиной (в 1962 году она установила рекорд СССР, прыгнув 100 метров брассом за 1:20,3) и австралийке Илзе Конрад, побив-

Четвертый тур

Очередная серия вопросов посвящается крупнейшему событию в жизни мирового спорта — близящийся ирак. В отличие от предыдущих туров участникам чемпионата на этот раз придется не только дать ответ на вопросы истории и теории спорта, но и выступить с собственными прогнозами о ходе борьбы на предстоящей Олимпиаде в Токио.

1. Что означает слово «олимпиада»? Сколько лет прошло после первых Олимпийских игр в Древней Греции!
2. Кто из древних спортсменов — представитель одной из наций, заслуживших нашу страну — был победителем древнегреческой олимпиады? В каком виде спорта он завоевал первенство!
3. Когда состоялась первая современная олимпиада? Какие виды спорта входили в ее программу!
4. Какие места в олимпийских соревнованиях считаются призовыми? Чем они отличаются!
5. В каких видах спорта победители Олимпийских игр одновременно присваиваются звание чемпионов мира!
6. Назовите виды спорта, по которым в Токио, помимо личного, будет разыгрываться и командное первенство.
7. Кто знает три первых места в Олимпийском футбольном турнире!
8. Кто завоевал золотые, серебряные и бронзовые медали в мужском волейбольном турнире!
9. Кто стал победителем в беге на 10 тысяч метров среди мужчин и 100 метров среди женщин!
10. Как распределяются три первых места в официальной программе олимпийского зачете по всей программе XVIII Олимпийских игр!

Г о б е л е н

Ш оре было там, откуда ветер приносит облака. Если чуточно прищурить глаза, то можно угадать, что облака эти — оплодный цвет морских волн.

Самого моря не видно. Его заслоняет горь и розовато-сахарными вершинами. Только ветер приносит запахи дальных, таинственных побережий, незанятых чужаков, плавающих в сумраке лесных зарослей. И еще он пахнет водорослями и соевыми морскими брызгами.

Розовато-сахарные вершины вытканы на гобелене, что висит в общепитии над Людминой койкой.

Вечерами Людья поделку смотрит на гобелен и чувствует ветер. Иногда, отинувшись на подушку, говорит тихо и задумчиво:

— Эх, девчонки, вот куда здесь работу, уезу я. И самому синему морю. Услышу, как чайки кричат. Веню из вагонной беду плести. Поющие рыбок собирать. А молчанья на звезды смотреть. Они там, знаете, какие? Огромные и пушистые, как... как золотые котата.

Девчата смеются. Нитю из них не был у синего моря. Нитю из них не знает, какие так звезды. Может, они и вправду похити на золотых котата.

Девчата замолкают, думают. Непонятные глаза ставновятся у девчат — туманные и мечтательные. Наверное, наивид представляет себя в синего моря.

До чего же странная эта Людья! Придумает же такое...

Вот всякий нормальный человек ищет на гобелене только лес, горы да трех оленей у ручья. А она —

ветер с моря. Выдумница... Однажды Людья пришла веселая, взбодуренная. Ну, девчонки, настала моя очередь начинать работу, уезжаю. — Она погладила гобеленовыми руками. — Еду и к самому синему морю.

Девчата молчали. Девчата заглядывали Людью. Девчатам тоже хотелось к синему морю.

Гобелен Людья оставила. — Попытайтесь же, вы там ни к чему. А вам надо. Надо, потому что девчонки всегда должны радоваться и морю. Иначе они начнут обзаводиться восточными коврами.

Через месяц от нее пришло письмо. Она писала, что ей нравятся на новом месте, подробно рассказывала, какие здесь громадные и пушистые звезды по ночам. И о море писала — о теплом, ласковом, зеленовато-опальном. Только обратного адреса помянуто в письме не было.

Девчата отсылали на конверте почтовый штемпель и прочитали непонятно слово «Бойбай». Нитю из них не знала, где этот таинственный Бойбай с теплым, ласковым морем и громадными звездами, похожими на пушистых золотых котата. Но все согласились, что от странного названия так и вет ветер югом.

А когда кто-то из ребят спросил, куда уехала Людья, они рассказали ему об осяе. Парень рассмеялся.

— Эх вы, судачки! Бойбай на севере... В районе вечной мерзлоты... Там нет синего моря, там огромная страна.

Девчата молчали. Девчата хмурились. Девчата долго смотрели на гобелен.

Виктору Малышеву 23 года. Сейчас он работает в горюде Кемерово в газете «Кузбасс». До этого Виктор был бетонщиком на ударной комсомольской стройке Томь-Усинской ГРЭС. Там он нашел сюжеты своих рассказов. Мы впервые представляем его всеосознанию читателю.

Керосиновая лампа

Н очь упала в тайгу стремительно и глухо. Звезд не было. Была только темнота, чернели распадши да нолочные оловые капли.

И нельзя было остановиться. Сразу охватывала непонятная таинная жуть.

Сергей понял, что заблудился. Шел угорно и долго, теряя надежду и стискивая зубы, чтобы не завыть от пугающего одиночества. Когда вперед выскочила огонь — не поверил себе.

Тайга придувала маленькую лампу. У огня таинно раздвинута слабым желтым огнем. Огромная собеса свирево разла цепь. Сергей обошел ее и постучал в ступлю.

На крыльцо вышел старший бордоч.

— Кого там принесло? — прооронил он.

Из геопатрилы я дев. Заблудился. Пустите оборот.

— Заблудился? Шастать меньше по тайге будешь. Да иду на ночь глядя. Вуюм.

Он отщипнул зажимающегося в два йса.

В избе, срубленной из спиловшего кедрара, жарко и теплое. Пахнет сухими травами и керосиновым перагаром. На огне, чуть поминавая, горит семинкария.

— Натя, гость вот к нам — сказал хозяин — проступившая менщина. — Собе...

Пока Сергей расспрашивался с жареным гуляром, старин сидел напротив. Спокойно смотрел на парня тускнущими от возраста глазами и смурно расспрашивал.

— Говоришь, станцию буд строишь?

— Точно, дед. Электро-станция. Скоро ваши керосинки в музее сядим. На удивление вуюм — охотю балагурил Сергей, теперь уже сыто и бесценно улыбаюсь. — А здесь, прямо за перевалом, такую красавицу отрохаем, что всем медведям в тайге страшно станит.

— Ишь ты! — неверящие сказан старин. Потом еще раз повторил, почему-то медленно и значательно: — Ишь ты!

Задумчиво покрутил голову и ушел за занавеску. Тимею обинула под его груными телом деревянная крыль. Сергей усмехнулся, подумав, что и кровать у него, должно быть, добротню сработана из могучего спиловшего кедрара.

Менщина постелила ему на полу и тоне ушла.

— Дампу то погасить? — Сергей подошел к огню. — И вправду, музейный экспонат.

— Лопнись, спи, — сонно пробасил старин. И непонятно добавил: — Тайга не красна девица — шутюк не любит. Ты на огонь прилеж!

На огонь — медленно проглотил парней.

Вот то-то. Спи.

Сергей растнулся на постели, смотрел на черный круг застарелой молотки на верхнем косяке огня и думал, что лампа, видимо, горит здесь ночь напролет.

— И часто к вам так вот... на огонь приходят.

Старин молчал, казалось, уже спал. Потом ответил нехотю:

— Восьмой годюк тут лесничеству. Ты в тайгу идишь. Да спи, тебе горюит!

Романтик

5

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РОМАНТИК»: В. БРУМНЕЛЬ, заслуженный мастер спорта; В. КАВЕРИН, писатель; Г. КУРБАТОВА, заместитель заведующего школьным отделом ЦК ВЛКСМ; Г. МАСЛЕННИКОВ, бригадир коллективной бригады строителей, Герой Социалистического Труда; А. ПАХМУТОВА, доцент; М. ЦЕНЦИНЕР, директор московской школы № 437.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ.

В СКОРНОЙ ТИШИНЕ, СКЛОНИВ ГОЛОВЫ, СТОЯТ СПОДВИЖНИКИ, ДРУЗЬЯ, СОРАТНИКИ ТЕХ, КТО ОТДАЛ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА СВОБОДУ, ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДА.

КАК СЛОВА САМОЙ ВЫСОКОЙ КЛЯТВЫ, ЗВУЧАТ ИМЕНА ПОГИБШИХ ГЕРОЕВ... МАНУЭЛЬ АУРЕЛИО ХУСТО, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ ДОМИНИКАНСКОГО НАРОДА, РАССТРЕЛЯН ПО ПРИКАЗУ ВОЕННОЙ ХУНТЫ... ЖИВЫЕ КЛЯНУТСЯ МЕРТВЫМ.

МАНУЭЛЬ АУРЕЛИО ХУСТО

Это было на другой день после того, как народ разгневался с доминиканским типом Габриэлем Трухильо, 30 июля 1961 года, когда по неясному распоряжению американской разведки все пограничные пункты Доминиканской Республики, связывающие ее с внешним миром на суше, море и в воздухе, были взяты под особое наблюдение агентами Аллена Даллеса.

Хотя обычные рейсовые самолеты не принимались в это время на столичный аэродром Сьюдад Трухильо, многие таможенные чиновники перерывали чинովны и подозрительно вглядывались в лица пассажиров, следовавших особым рейсом. Сторожевые корабли и эсминцы американского флота беспрерывно останавливались в океане паролоты, надвигая к берегам Доминиканской Республики, чтобы тщательно проверить каюты за каютой, отсек за отсеком. На шоссе на дорогах переводные агенты не пропустили без осмотра ни легковуш, ни грузовые автомашины.

Трудно поверить, что все это делалось ради одного только человека, чьи внешние приметы в агентурную мизансцену выглядели так: рост — 175 сантиметров, глаза — большие, карие, нос — высокий, голос — звучный, низкий.

Изменение с помощью грима свою внешность, он между тем благополучно мимовал все полицейские посты и оказался вполне дома на окраине доминиканской столицы. На условленный звонок ему открыли дверь и заключили в свои горячие объятия люди, за головы которых дорого заплачено была охрана Трухильо.

Так возвратился на родину доктор Мануэль Аурелио Хусто, известный всем доминиканцам под боевым именем Маноло-неистовый.

«Я только тогда по-настоящему бауа считался», говорил Маноло,— когда моя страна, свергнув кровавую диктатуру Трухильо, освободилась навсегда от империализма янки. Борьба за осуществление этой цели он посвятил всю свою жизнь без остатка.

«Маноло здесь», «Маноло прибыл!» — передавалась из уст в уста радостная весть. Но хотя по условиям инспекции Маноло не мог еще открыто появляться на улице, быть в гуще людей, его присутствие ощущалось по особой революционной атмосфере, царившей в столице.

Президентом республик стал Балагер. Оставив без изменений порядки, установленные его предшественником, он, во выражение американского журналиста Ч. Олсона, решил «поиграть в демократию».

«Любую оппозицию можно нейтрализовать», доверительно говорил новый президент своему окружению,— если предложить ей временно разделить с нами власть... Мы выиграем время для перегруппировки сил, а затем выясним свои отношения с оппозицией...»

Мануэль Хусто получил приглашение побеседовать с президентом.

Балагер принял Маноло с подчеркнутой вежливостью и предупредительностью. Он много говорил о новой эре, которая буда бы открылась теперь в связи с есоветием Трухильо в мирной.

А в конце аудиенции неудачником предложил свое «покровительство и сотрудничество». От первого Маноло решительно отказался, заявив, что его «анархичная деятельность не нуждается в покровительстве». Что касается второго, то президент не на словах, а «на деле долот показав свой новый курс», «Открыл ворота тюрьм, выпустил на свободу политических заключенных, дотле землю крестьянам, ограничил власть американских монополий», предложил Маноло Балагери,— тогда появится хорошая основа для нашего сотрудничества». Процелся президент с Маноло весьма холодно.

Маноло никогда не действовал в одиночку: его сила была в связи с народом, интерес которого он служил самоотвержено. Сам еще совсем молодой — ему исполнилось всего 32 года,— он был постоянно окружен молодежью, особенно студенческой, жаждавшей революционной деятельности...

Маноло не строил себе никаких иллюзий в отношении конституционных выборов: он знал Балагера как злитого, прожорочного политикана. Нужно было поднимать народ на всеобщую политическую стачку в поддержку требований о проведении земельной реформы и национализации природных богатств.

«Вы просите работы», говорил Маноло молодежи, — а работа ждет вас. Посмотрите, сколько наших братьев томится в тюремных застенках. Кто их освободит, если не мы!»

...Почти в один и тот же час вооруженные отряды рабочих и студентов атаковали здания тюрьмы «Монтеиор» и «Рокас» — мрачные застенки времем Трухильо на окраине доминиканской столицы. Тюремная охрана почти не сопротивлялась. В бесцельной злобе кукаса себе начальники полиции Герреро, Очоа и 600 революционеров получили свободу.

Десять дней бастовали рабочие Санто-Доминго, Сан-Педро-де-Кавальерос, Сан-Педро, Пуэрто-Плата.

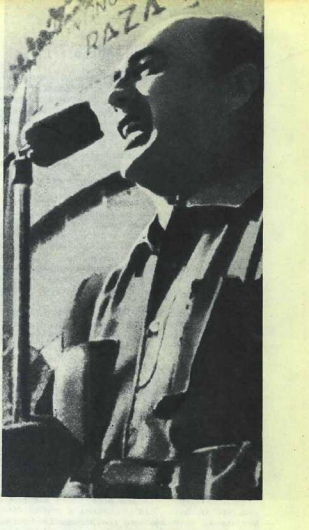
Маноло, сопровождаемый большой группой молодых революционеров, исколесил всю страну, выступал на рабочих, крестьянских и студенческих митингах.

Виктор Балагер и его реакционное окружение сбросили маску: начавшийся было переговоры с оппозицией стали превратились. Полиция и войска обрушились на мирные демонстрации рабочих и студентов.

Чтобы успокоить общественное мнение страны, была начата подготовка к выборам «конституционной» президента. Революционные силы были лишены возможности выставить своих кандидатов. Президентом республик стал Хуан Бош.

Ход событий убеждает Маноло, что вооруженное столкновение с реакционными силами неизбежно. Необходимо поэтому заранее достать оружие. Вместе с группой стойких студентов он задумал и осуществил смелую операцию по захвату правительственного арсенала в Пуэрто-Плата.

Арсенал окрылся крупным нардом солдат. На двух вышках рядом с прожекторными столами пылала Трупа захвата правительственного здания движение человек у наружной стены арсенала. Бешушно сияла их. А затем двое смельчачков про-

шли во двор и открыли ворота другим, успешным обчлниться в военную форму убитым. Так удалось добраться до штабеля с оружием.

Такая полиция сбллась с ног, но следов смельчачков найти не смогла. Оружие было переправлено в горы и спрятано в надежном месте.

Хуан Бош вскоре перестав устраивать Вашингтон и Нью-Йорк. Президент подумывает о инвентаризации фамильных богатств самых Трухильо, собирается стать верховным главнокомандующим вооруженными силами, лишив влияния в доминиканской армии старшего агента ЦРУ бригадного генерала Уоксини-Уасину. Все горю в сауды, собирается том, что оппозиция сумеет склонить Боша к проведению земельной реформы. Тогда на сцену выступил Ричард Холмс, заместитель начальника ЦРУ и начальник оперативного отдела американского шпионского ведомства. Он отдал приказание готовить военный переворот.

За неделю до этого «проникнувшими (переворота) американская газета «Юрад телеграмм энд сам писала:

«Надано установленная демократия в Доминиканской Республике находится под угрозой развала. Правительство президента Хуане Боша, пришедшего к власти лишь восемь месяцев назад, возможно, не просуществует до конца этого года».

Обиная Боша в попустительстве коммунизму, военщина свергла его. Военная хунта, пришедшая к власти, ликвидировала и без того куцые демократические свободы. Тюрьмы заполнились политическими заключенными. Свергнутыми военно-политическими суды. Все великие оппозиционные партии были запрещены, а их помещения разгромлены.

Тогда Мануэль Хусто позвал народ в горы. Там, в лесах Центральных Кордильерас и Сьерра-де-Монте Кристи, начали собираться первые партизанские отряды. А вскоре был создан партизанский центр. Во главе его стал Маноло-неистовый. Против народной армии были посланы оснащенные до зубов американским оружием правительственные войска...

Его расстреляли на рассвете. Как Хулиана Гриньяу, как Белозинска. Его тело бросили в самое глубокое ущелье.

В Доминиканской Республике сегодня нет памятника Мануэлю Аурелио Хусто. В Доминиканской Республике есть партизанские отряды, которые продолжают его борьбу.

ПЕРЕПОЛОХ В ИОГАНЕСБУРГЕ

Бедя никогда не приходит одна. В справедливости сей житейской мудрости у Алесандра Ван ден Берга, иже в какой-то год исполнял обязанности полдейского комиссара Иоганнесбург, никогда не возникло особых сомнений. И сейчас, перебирая в памяти подробности этого прокатного дня, он горько улыбается, подумав, что мог написать немалый трактат о том, как за одну неприятную минуточку случается Другая.

Почтительный стук в дверь вернул Ван ден Берга на землю.

— Все по-прежнему, шеф, никаких новостей,— отозвалась деловитая по конституции, добывая про себя: «Так тебе и надо, старая крыса». Свернув взглядом стоящего перед ним офицера, Ван ден Берг вспомнил, что точно такое же выражение лица было у его черноволосого садюжника, когда он, искусно скрывая злость, докладывал сегодня утром, что на задней стенке котельной кто-то намазала: «Долой аппаратку, свободу Южной Африке!»

На счастье деловитой, кристу гнева была прервана истинным звонком аппарата прямой связи, что соседняя квартира с полдейским управлением. От первых же слов у Ван ден Берга замолкла синяя. Стенно собрался в путь, он аморально по перебору в голову возмозжала последствия, однако, что усманившего сообщения: рано утром, словно обратившись в бесплотных духов, бежали из-под стражи Артур Годдард, Герольд Вольве, Абудухан Джосет, Муса Мула — четыре известных деятеля национально-освободительного движения, которые должны были предстать перед судом.

Не успев Ван ден Берг переступить порог своего кабинета, как в дверь простучала голова секретаря.

— На проводе министерство юстиции.

— Послушайте, Ван ден Берг, что у вас там, с ума, что ли, поскодлами!— скрипела в трубку голос начальника полдейского департамента. — Им вы содержите государственных преступников без охраны? Одним словом, стичек нужно изловить. Или в крайнем случае... Вы меня поняли? О ходе дела будете сообщать мне два раза в день, да докладать господину министру. Вот такто, «брат». И смотрите, как бы вам не пришлось иметь дело с Бондом...

Щелчок в трубке возвестил, что разговор окончен. Бесславно отключившись из связи, красная, Ван ден Берг проинтонал: «Брат, Бонд... Откуда он знает?» И тотчас перед его глазами встало видение тех далеких дней, когда он свазал — и до сего злобастного дня в этом не расквашал — свою ссуду с Бродербордом.

Сначала с ним несколько раз беседовали ответственные функционеры «братства». Уже позднее он узнал, что этим беседам предшествовала тщательная негласная проверка, длившаяся около двух лет. И вот наконец наступил торжественный день. На задранных черным степях играли отблески факелов. Посредине зала на носилках лежал «групп» кулака, завернутого в черное покрывало. На полате кровавыми буквами выведены: «Имена». В груди трупа — «книжка», затаянный по самую рукоятку. «Тот, кто изменит союзу,— звучали слова кулакты,— тот будет уничтожен. Союз никогда не прощает и никогда не забывает. Он мстит быстро и безоговорочно. Изменник никогда не спасется от его кары».

Вспомнив эти зловещий перемонал, Ван ден Берг всоросит. Уж кто-кто, а он хорошо знает, что с Бондом никогда не связался с ногой в поисках блага.

Подстегиваем своим шефом, иоганнесбургские идеяи буквально сбивались с ног в поисках блага. Их уснация чуть было не увеличилась успехом. Уже в Танганьика работа бомба замедленного действия патриоты. По случайности случилась это произошло через десять минут после того, как пассажиры покинули самолет.

На этот раз Бродерборд оказался бесслаен.

«СОЮЗ БРАТЪЕВ»

—..Ис было четырнадцатый человек — умевших сдвинуться дальнихбуров, что несколько недель подряд собирался в мае — июне 1918 года на тайные совещания. Обсуждался вопрос о создании подпольной организации для борьбы против англичан. После этого сплота и соединяет Ван ден Бродербордом, что в переводе с африканс (язык

буров — выходец из Голландии, осуществивших колонизацию территории внешней ЮАР) означает «Союз братьев».

Итак, Бонд был создан под популярными среди буров (из этих яичек называют африкаридерм) лозунгами освобождения от британского иго. Но уже тогда расистский дух пронизывал все существо Бродерборда. Бурм объявлялись «народом господа», призванным распораздиться страной и ее населением. Главной целью «братства» провозглашалось создание христианско-национальной калвинистской Африкаридерской республики. А несколько позже, когда разрабатывалась программа Бродерборда, в нее был включен пункт о «необходимости сегрегации всех небелых рас в Южной Африке». Так закладывались основы апартеида — расистской теории раздельного существования рас, которая ныне возведена в ЮАР в ранг государственной политики.

Выходец Бродерборда быстро росло. Этому способствовал характер набора его членов. Будущие «братья» рассматривали в первую очередь с точки зрения его связей в государственных, промышленных, общественных кругах. Кроме того,

ставал собой мещанину из обрядов и обычаев, позамысливаемых у негустов, эссосцев, ку-лаус-каана. Железным законом является строжайшая конспирация и безоговорочное подчинение младшим «братьям» старшим. Каждый «брат» входит в ячейку, состоящую из 5—10 человек. Нескольким ячейкам объединяются в секцию, причем члены разных ячеек и секций, как правило, не знают друг друга.

Центральные органы Бродерборда — Исполнительный и Генеральный советы. Исполнительный совет состоит из 12 человек, которых называют «двадцать аностов». В особых случаях созывается Генеральный совет, в который, кроме «аностов», входят представители секций и ячеек. Но практически верховная власть сосредоточена в руках трех высших «аностов». Их имена обычно не знают даже рядовые члены Бродерборда.

Лишь недавно стало известно, что в число «аностов» входят представители Сварт, Ферура, министр финансов Донес. Но выше всех в этой фантастической корпорации стоит человек, имя которого страшно мало известно широкой публике. Это «верховный апостол», председатель Бродерборда

«брат» (женщины в «братство» не принимали) должен был быть калвинистом и африкаридером. Исключены из права, делались в редчайших случаях. Но все же делались. Именно поэтому в Бродерборд смог вступить вышедший премьер ЮАР Хендрик Ферура.

Выходец из Голландии, то есть «прерзанный европеец», этот сын амстердамского бакалейщика при обычных условиях не мог рассчитывать на блестящую карьеру в Южной Африке. Но он сделал ловкий ход, отправившись набираться умараума в Германию, где тогда поднимал голову фашизм.

В Африку Ферура возвратился увешанный гирляндами ученых степеней и с прочной репутацией наместа. В 1934 году он переводит на африканс фантастическую библию «Майн кампф», а два года спустя под его руководством проводится кампания против допущения в Южную Африку евреев, беженцев из Германии. За все эти заслуги Х. Ферура первым из африкаридеров был принят в Бонд.

Ртутула посещения в члены «братства», окутанный ореолом мистической таинственности, пред-

доктор Мейер, он же глава равноценительной корпорации ЮАР. Находясь за кулисами, он фактически является главным корчем в южноафриканском заповеднике фашизма.

Конечно, захватить власть и тем более удержать ее собственными силами «братство», численность которого не превышала нескольких тысяч человек, не могло. Нужна была массовая политическая партия. И такую Бродерборда, обрета в лице националистической партии, которая вооружа в себя набором шовинистических элементов из числа бур-африкаридеров. Перед второй мировой войной под крылом партии в Бродерборда родилась еще одна политическая организация — «Освенс брайндак» (сокращенно «О. Б.»). Аттестуемая как культурно-просветительная ассоциация, «О. Б.» на самом деле была полуправительственным, построенным по образцу и подобию гитлеровских штурмовых отрядов.

Перед парламентскими выборами 1948 года националисты при помощи «испытанных кадров» из «О. Б.» развернули по всей стране кампанию шантажа и запугивания. В итоге националистическая партия победила всецелительным большинством

голосов. С этого момента поста президента, премьер-министра, члена кабинета были зарезервированы исключительно для Бродербада. Постепенно «Белый» отсоединился и все остальные важнейшие должности в правительственном аппарате. Сосредоточив таким образом в своих руках все рычаги государственного управления, Бродербадовские «аполосты» получили возможность целенаправленно и планомерно претворять в жизнь идеологические и политические принципы апартеида.

Руководители Бродербада понимают, что трем миллионам белых не удастся вечно держаться в рабской зависимости. Им необходимо каким-то образом оттянуть час раската, а поэтому самым крупным пунктом во все белое население (старый прием гитлеровцев), сделав его соучастником своих преступлений, функционировать правительству ЮАР чуть ли не по мановению волшебной палочки — «белых граждан. Капля за каплей в них наливает дла расизма. Этому служат все и школьные программы, проинкрутые идеями превосходства белого человека, и кино, и телевидение.

Члены Бродербада, члены «аполостов», охотно выступают на сборах бойскаутовских молодежных организаций, настроенных по образцу нацистского «гитлерюгенда». «Молодежь поклянется в своей преданности всем, даже жизнью, чтобы защитить Южную Африку от черной опасности», — говорил, выступая перед белыми школьниками Иоганнесбурга министр транспорта «Брат Суэйн.

В школах для белых на широкую ногу востановлено военное обучение. Недавно главнокомандующий вооруженными силами ЮАР генерал Робертлар обнародовал решение правительства создать резерв вооруженных сил из белых подростков, состоящий из молодежного корпуса, состоящего, разумеется, исключительно из белых.

«ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ»

На улицах городов ЮАР в наши дни нередко можно увидеть такую сценку.

— Восемьдесят восемь, — говорит некий женатый человек.

— Восемьдесят восемь, — отвечает тот, приходящий шапку.

Таинственная фраза расшифровывается просто. Восемьдесят восемь, — это две восьмерки. В латинском алфавите на восьмой стоит буква «Н». А две буквы «Н» означают сокращенное приветствие нацистов — «Хайль Гитлер».

Духовные и материальные связи Бродербада с фашизмом восходят истоками к началу тридцатых годов, когда начинало Бродербадовские «аполосты» по примеру Феруэрда черпали свои расистские «идеи» из кладовых нацистской премудрости. В свою очередь, в Берлине с интересом присматривались к «братству» и его агитуре, рассчитывая при их помощи превратить Южную Африку в провинцию четвертого рейха.

Перед самой войной фашистские гавары с почетом принимали в Берлине Освальда Пирру — южноафриканского полковника (одно название чужо стоить), также прикомандирован к Бродербаду. Южноафриканский нацист на всю жизнь сохранил самые теплые воспоминания об этих днях. И даже спустя времена гитлеризма, когда полковник был вынужден отказаться от своего гражданства и признать, что Пирру дилал в органе своего партия «Адольф Гитлер был в авангарде борьбы против большевизма. Он был величайшим человеком своего века и одним из самых великих людей всех времен».

После прихода к власти националистов в ЮАР началось серия процессов над виднейшими демократическими деятелями. Государственным обвинителем в них выступал Освальд Пирру.

Всяма колоритная фигура и другого гитлеровского агента, Рой Либранда. Германский абвер (военная разведка) готовил Либранда, имевшего тогда статус человека Южной Африки по боксу, на амбула южноафриканского офицера.

В 1941 году он был тайно доставлен в район Кейптауна для организации диверсий в матеях и тотчас же установил связь с руководителем «Освеца» — доктором Фредрихом Андерсен и ушел. После нескольких удачно проведенных диверсий его группа была арестована. За речеткой оказался и ряд видных деятелей «Освеца бранда», в том числе один из «генералов» этой организации — доктор Форстер.

После прихода к власти националистов Р. Ли-

брауд, приговоренный к пожизненному тюремному заключению, был выпущен на свободу. Феруэрдовская охраня широко использует его опыт и опыт других бывших руководителей правительственных ведомств, для участия за идеологическим и идеологически-освободительного движения. А генерал из «Освеца бранда» Б. Форстер? Теперь он член «коллегии аполостов», министр юстиции и одновременно — член палаты орденов и наград его вторым после Феруэрда человеком в правительстве ЮАР.

Не удивительно, что для фашистов всех мастей Южно-Африканская Республика стала своеобразной «меккой» для белых аполостов. Визитом в ЮАР, возглав английских фашистов Освальда Мессин заявил: «Мое движение одобряет проводимую южноафриканским правительством политику аполостов». Между полковой «единственной дивизией» (так называлась фашистская группа Мессин.—А. Б.) и полковой южноафриканской полицией много общого.

«МАЛЫШЧИ» ПОЛКОВНИКА ПРИНСЛОУ

...Заседание «коллегии аполостов» было назначено на 11 часов утра. В связи с тем, что Феруэрда уже не было, в этот день орденом визитом в ЮАР, возглав английских фашистов Освальда Мессин заявил: «Мое движение одобряет проводимую южноафриканским правительством политику аполостов». Между полковой «единственной дивизией» (так называлась фашистская группа Мессин.—А. Б.) и полковой южноафриканской полицией много общого.

Да, в отличие от всех этих высочайших — африканских — офицеров здорово лгуториться, чтобы проложить себе путь наверх, в кресло начальника тайной полиции ЮАР. Конечно, сыграло роль дальнейшее родство с Феруэрдом. В самом начале его карьеры он отдало внимание от себя на свиданном безупречной, по южноафриканским нормам, родословной. И все же основные дивиденды принесил собственное упрямство и настойчивость.

Сколько бессонных ночей ушло на изучение этих архивов, сколько усилий вложено в изучение и называемый «аполостами» полковником Лауренсом. Погруженный в свои мысли, Принслоу не заметил, как часы поплыли.

— Как вы себя чувствуете, — окликнула его толстая человек с огненно-рыжими дымящейся головой.

— Спасибо, Даан, — бросил в ответ Принслоу, увидев министра по делам быта Даана де Вет Нела. Быстро пройдя в туалетную, где проходило совещание, он вышел в своем кабинете, где в это время было только одно окно, смотревшее в парк.

Оглядываясь исподлобья присутствующих, Принслоу невольно подумал: «Ну и зверице!» Но в то же время он отметил, что толстая женщина от себя не так, что он единственный «аполостин», имеющий регулярный доступ в эти святая святых Бродербада. Даже члены кабинета, если они не входят в число «аполостов», допускались на заседания тайного правительственного ЮАР лишь в случаях, когда обсуждались проблемы их ведомства.

— А это уже по вашей части, Принслоу, — преврала ход его мыслей верховный «аполост» доктор Мейер.

— Господи! — обратился он к присутствующим. — Вы уже знаете о бегстве Куманн Ганнеале Андерсена из колледжа Фредриха. Сначала мы упустили эту шапку из Иоганнесбурга, теперь бежал Лауренс. Не знаю, за что так сильно подумают думать наши чиновники. Вам, Принслоу, самому придется заняться этим делом. Надеюсь, что наши «малышчи» окажутся на высоте. Да, чуть не забыл. Господи министр иностранных дел просил вас вернуться в ЮАР, чтобы вы могли сообщить о своих успехах на территории Бастуемада¹, а у нас и

без того достаточно международных осложнений.

По дороге в Преторию Принслоу обдумывала детали предстоящей операции. Мысль посетить Андерсена в Бастуемеда, где он должен был находиться и до совещания на вилле «Либертас». Разве не приоблеало к тому же приему гестапо, выкармливая из соседних стран эмигрантов-антифашистов? Сославшись на отсутствие документов и примерно через десять минут вырвется в перелаз Кача Наа, — показывая на карте Принслоу.— Видно, в этом месте вам следует разделиться на две группы и запереть перелаз с обеих сторон. Остальное решено и в своем убеждении. С этого момента ни слова на африканс. Пусть там про нас потом болтают что угодно, но прямым ухом не должно быть никаких.

«Девянь был на исходе. Быстро завершив свой пятнадцатый урок, Андерсен решил съехать к ручью. Его возмущенное трехдверное авторитетство в этой хижине подошло к концу. Посетившие его вчера товарищи нашли, что он почти совсем оправился от «санитарного режима» Фредриха и, следовательно, пора двигаться дальше. Разумеется, оставаться дальше в Бастуемеда было небезопасно.

До ручья, служившего ему и ванной и прачечной, не было ста метров. Выглянув предвзвременно в щель и не увидев ничего подозрительного, Андерсен решил встать в очередь. Последнее, что он запомнил, был характерный шепот разговаривающих лассо. В то же мгновение щель захлопнулась его шее, и он потерял сознание.

Он очнулся от треска и быстро мчавшейся автомашины. Мучительно болела голова, ушибленная при падении. Физические страдания уступало трагическое сознание собственного бессилия, невозможность борьбы против могучего убийцы.

— Послушай, Рой, — усмална он громким шепотом одного из своих коллег.— Этот парень все еще без сознания. Как бы он не подох раньше времени. Сдается мне, что его не успеют показать доктору. Тут как раз разболел в пятки от развала батальона. Оставшимся мобилизи, и кроме道家 и двух других офицеров, никто и знать не будет о нашем визите. А там как угодно до самого конца без остановки.

После этого вопаралась тишина, нарушаемая лишь скрежетом колеса о корпус машины, из чего Андерсен, лежавший на полу лицом вниз, заключал, что они свернули с шоссе.

И действительно, скоро машина остановилась. Раздалась хохлянье дерюга, а еще через несколько мгновений до него доносился обрывки спора. Наконец раздался голос конвоира, которого назвали Роем:

— Вы забыли «группу» доктор, а мы идёмным в створке.

Чуть слышимые руки перевернули Андерсена, и вдруг он, к изумлению слезеу, услышал быстрый шаг.

— Не бойтесь меня, я врач и не враг вам. Одно из ваших спутников я знаю — это агент Принслоу. Быстро скажите, кому и что вы хотите передать.

Открыла глаза, Андерсен увидел склонившегося над ним залогого человека в форме, который держал поднятым вверх большой палец правой руки — символ запрещенного правительством Африканского национального конгресса жестом. Не спрашивайте ничего. Дорога каждая секунда. Когда-нибудь вы все узнаете, — продолжала скорговорной шептат доктор, с ошанкой оглаживая по сторонам. А подоможенное через несколько минут конвоиру с делашей несестатю замал.

У этой грозной шпоники, по-моему, сотрассене мозга. Так что, если не хотите привести на себя, обращайтесь с ним поосторожней. Добрый путь!

И снова потонула. милая этого мучительного Дла Андерсена и, может быть, последнего в его жизни письма. Но в сердце его уже не было прежней пречеткой тоски. Удивительная встреча в лесу стала символом окончательного освобождения от рабства по борьбе. Он снова почувствовал себя в строю.

¹ Английский протекторат, «разделенный» в территории ЮАР.

Евг. БИРУН
Фото В. ТЮКЕЛЯ

ЧЕЛОВЕК ЗА ВОРОТАМИ

На футбольных или хоккейных матчах он сидит на скамье запасных. Это его боевой пост. Но уж если он подхватит чемоданчик, устремляется вперед, значит, что-то произошло. Ему некогда раздумывать: приехали трибуны, игра остановлена. Что там случилось с игроком? Помощь нужна скорая и безотлагательная!

Быстро размяв сведенные судорогой мышцы или окружив место ушиба облачком хлорэтила, врач в считанные минуты ставит спортсмена на ноги. Выдох облегчения: наступать отступило, матч продолжается.

Говорят, чем лучше судья, тем менее заметен он на поле. Это справедливо и в отношении спортивного врача. Его работа тем незаметнее, чем меньше травма и болезней у спортсменов. Несчастный случай в спорте хоть и слеп, но вполне предостертиим. Очень важно знать, как лечить травмы. Но еще важнее научить спортсмена избегать их. Ведь не секрет, что подчас атлет вынужден надолго слодить с арены из-за невнимания и маленькой травмы.

Есть в нашем спорте железный закон: без разрешения врача к соревнованиям — будь то первенство района или мира — не допускается ни один спортсмен. Врач и только врач отвечает за здоровье каждого участника и в конечном итоге за боеспособность команды. И даже если он не сидит за футбольными воротами, не находится вблизи борцовского ковра или бас-

ГОРИЗОНТЫ ОЛИМПИАДЫ

ОБЩЕНИЕ

Японские игроки, готовящиеся к Олимпиаде, на матч с астраханцами вышли со странными пластмассовыми панталонами, подвешенными под мышками на специальных ремешках. Тренеры сборной Японии объяснили журналистам, что в панталонах находится ментол, который освежает игрока. Эту новинку применяют в Японии не только игроки катерполлисты, но и спортсмены других видов спорта.

ЛОБИТЕЛИ ИЛИ МИЛЛИОНЕРЫ?

Мерный ход ивальнойфикации олимпийского футбольного турнира, в котором за право поездки в Токио боролись команды со всех континентов, был внезапно нарушен.

Подобно грому среди ясного неба, прозвучало решение Олимпийского комитета Греции о дисквалификации своей футбольной сборной, выигравшей у спортсмена Англии. Причина дисквалификации — участие нескольких профессионалов в составе греческой команды.

Это решение поставило Международную футбольную Федерацию (ФИФА) перед трудной проблемой. Если утвердить дисквалификацию греческой сборной, то придется распространить ее и на команды других стран. Разве можно считать любителей футболистов олимпийской сборной Италии Вери, по сообщению английской газеты «Супер спорт», они получают в среднем по шлоуту три миллиона. А годовой доход таинственного «звезда», как Макголла или Домингеса, превышает 15 миллионов пир. Очевидно, для объяснения своих позиций Международной футбольной Федерации придется ввести новую классификацию, где будут фигурировать «любители-миллионеры».

ВСЕ НАДЕЖДЫ НА АВИАЦИЮ

Будет ли телепередача из Токио? Этот вопрос волнует европейских любителей спорта. Дело в том, что до последнего времени он был решен лишь чисто теоретически и никто не мог с уверенностью сказать, как это будет выглядеть в действительности. Представители «интервенции» и «баронам» не надеются на космическую связь, уже заключили договоры с японцами с предоставлением на право показа европейским болельщикам кинополос с токийской Олимпиады, доставляемых самолетами. Про космическую связь все забыли, как вдруг...

Недавно впервые была осуществлена прямая телевизионная связь между страной Восходящего солнца и Европой при помощи американского спутника «Телестар-2». Первый опыт был не очень удачным по времени, но фанат устойчивой телевизионной записи в нескольких странах.

Связь через космос — явление новое, глубоко не изученное. Советские телезрители были свидетелями таких передач в день похорон президента Нейндера. Они продолжаться немногим более 20 минут. А футбольный матч или забег марафонца длится гораздо дольше. Так что один «Телестар» потом не сделает, останется надеяться на авиацию.

сейна, то все равно он выходит на старт вместе с командой спортсмена.

Высокие достижения в спорте невозможны без огромных тренировочных нагрузок. Это похоже на лечение сильными ядами: малая доза бесплезна, излишняя — смертельна. Требуется только норма. Вот это и определяют спортивные врачи, с которыми тренеры поддерживают теснейший контакт.

Недавно я беседовал с Михаилом Саркисовым, врачом олимпийской мужской волейбольной команды СССР. Он рассказал, как тщательно ему приходится следить за здоровьем будущих олимпийцев. Не погрелась ли кожа на кончиках пальцев у Юрия Чесно-

кова? Как спал Иван Бугаев? Пришло ли в норму давление крови у Георгия Мондзюлевского? Нужно составить рацион питания и не забыть включить рыбий поливитамины. Казалось бы, дело одного тренера Юрия Клавьева определить, кто кого должен заменять в матчах московского предолимпийского турнира. Но он, составляя план игры, всегда советовался с Саркисовым.

Олимпийские врачи не упоминают дикторы, объявляющие составы команд. Его не награждают медалями и грамотами. Ему не адресуруют аплодисменты. Но он всегда рядом со спортсменами. Всегда на рабочем посту. Незаметный, незаметный человек за воротами...

Мастер спорта стайер А. Иванов закончил свой рекордный бег. Прямо у финиша он попал и врачу В. Гисельчику, который должен проверить состояние бегуна.

Конечный матч в рагбаре. У врача команды ЦСКА Г. Васильева и массажиста В. Аракчеева много работы — в пылу борьбы ребята не обращают внимания на сидения и ушибы.

Профессор А. Ланда (в центре) ведет операцию мясника. Проходят время, и спортсмен снова будет играть как ни в чем не бывало.

Иногда и «зюды» за воротами дают цветы. Таких, как Георгий Павлович Поздиз, старейший спортивный врач палаты страны.

ФИНАНСИСТ-РЕКОРДСМЕН

Пенти Репо хорошо известен финским любителям спорта. 32-летний спортсмен успешно выступает в метаниях диска. Ему принадлежит рекорд страны в этом виде легкой атлетики — 37 метров 83 сантиметра.

Интересны подробности тренировок нового рекордсмена. Пенти живет в 40 километрах от Хельсинки в маленьком городке Муола, и работает там директором местного банка. «Сидящая» работа инстинктивно не мешает Репо постоянно добиваться успехов: он четырехкратный чемпион Финляндии. Привычки финансиста сказываются и на характере тренировок Репо. С самого начала лет своих занятий Пенти ведет подробный учет количества бросков и тысяч бросков, то он считает, что годовая план выполнен. На стадион Репо берет с собой диск и бросает их с одной стороны поля на другую. Затем переходит к следующему виду своих занятий в обратном направлении. По словам Репо, эта методика помогает ему постоянно улучшать результаты. С ее помощью он собирается в Токио перебить свой 60-метровый рубеж.

В ТОКИО — БЕСПЛАТНО

Венгерский олимпийский комитет выпустил билеты лотереи, средства от которой пойдут в олимпийский фонд. Билеты будут бесплатными. Среди награды общей стоимостью в 3 миллиона форинтов есть и бесплатная путевка на Олимпиаду в Токио.

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

НАШИ ТЫ БИЛИ КАЛИНИ

А. КУПРИН

ТОЛСТОЙ САМОЖНИК

Вот что рассказала мне однажды покойной друге мой И. Я. Павловский, отличный журналист, прекрасный человек и глубокой памяти-тель жизни.

— В то время я гостила у Л. Н. Толстого. Приехала я к нему по поручению одной большой французской газеты. Миссия моя была закончена в срок не большой, чем планшас. Но, с одной стороны, Толстой так живо заинтересовался Францией, ее бытом, нравами, искусствами и политикой, а с другой, так были обязательны ее интересы и внимание всей семьи Толстого, что деловой визит мой растянулся на трое суток. Было это в конце русского мая, в 86-й год.

Не помню в какой день, после обеда мы с Толстым пошли вдвоем прогуляться — шли сначала дорогами, потом без дорог, какими-то тропинками и рощами. Возвращались домой довольно поздно. Разговор наш коснулся тогда той неуклюже-

сти и превеличенной старательности, с которой незваные чужаки Толстой протравливал его философию и моральные мысли в жизнь и в деяние жизни. Не знаю, впервые ли в который раз уже раз восклицая Толстой со страстной жалобой:

— Козда же наконец поумит, что я воюю, что я совою не толстоюю!

Все кругом нас было погружено в темноту. Я руководствовался глазами широких шагов Толстого и колыхавшимся пятном его белой блузы. Пахло дикими травами, березьями и ночными цветами. Я угадывал по свисавшим остроконечным, низким крышам, что мы идем мимо деревни. Вдаль мелькала то застигавшие ветвями, то вновь сверкавший малым озерком в одной из изб.

Толстой вдруг остановился. Остановился и я, чуть на него не наскокивши на ходу.

Он сказал:

Если мы пролистаем русские журналы XVIII века, то почти не найдем там полюбивших имен. Все материалы напечатаны либо анонимно, либо под нарицательными псевдонимами, вроде: Грива Коротышкина, Асфидя Аричанина, Аришай Шиди, Петр Удзаев, Рейсий Фроака и т. д. Несведущий человек вряд ли догадается, что под этими именами скрываются известные писатели — Екатерина II, а два последних псевдонима принадлежат самой императрице, на досуге забавлявшейся литературой.

Особенно широко псевдонимы распространились в русской журналистике XIX века. Объясняется это сложной обстановкой накаленной литературной борьбы, тяжелыми условиями цензурного гнета. Под псевдонимами

— Посмотрите налево.

Видите свет в окне?

— Да, вижу.

— Там живет мой приятель, деревенский сапожник Фомка Исколовкин. Как все сапожники, немного плянцка, немного философ. У него я и научился шить сапоги. Вот, я пишу разговоры, а вы расскажете об этих знаменитых сапожках.

Вот как было. Я только что кончил писать «Клани Каренину», Союзница, сидела по вечерам, очень плохо и бесполоею. Читала вы Семенова? Он пишет рассказы из крестьянского быта. Такто и надо писать. В его писаниях определенная правда и несомненная чистота. И все написанное им написано легко, оттого что писал он слово чужкою.

А я пишу медленно — и неужно. Не помню, сколь-

ко раз я переписывала этот неудачный роман. Корректор мне послал из Москвы девять, плахон Катков телеграфирова:

«Это — последняя. Все прекрасно».

Куда же прекрасно? Я потом насчитала множество длиннот и непростительно вялых мест.

Наступил конец. Нет больше никакой привычной работы. В душе огромный перерыв, ничем не заполняемая пустота. Что мне было делать, чтобы заплата эту воспринять белую скучу? Тогда-то я и надумала шить сапоги. Совсем недурное занятие. Отвлекает от мучительных мыслей и дает душе равновесие. Но ведь я, к несчастью, всеюда на виду. И пошел тотчас сапожи сапожники, бросив свои прямые дела! Сапоги моего изделия я подарил Стаховичу. Напрасно их поместили под стекло.

Если их носить, то износу нет. Работа чужая, на чужь пополье.

выступали с журнальными статьями Пушкин, Карамзин, Жуковский, Великий, Чернышевский, Добролюбов многократно печатались под псевдонимами или анонимно.

Любопытна природа возникновения псевдонимов.

Иногда это так называемые нарицательные псевдонимы, указывающие на национальность, профессию автора или на его участие в определенных общественных организациях, Ученый, Очевидец и т. д.

Иногда это нарицотко комические имена или прозвища: Феодилат Косицкий (псевдоним Пушкина), Человеческое без славок (псевдоним молодого Дехова).

Используются в псевдонимы фоль-

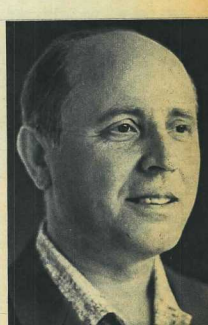
о последнего времени об этом знали немногие. Тайны, в сущности, никакой не было, просто было неизвестно, кто автор песни, которую пела когда-то вся страна.

«На позицию девушка провожала бойца» Стихи И. Мясковского, напечатанные в газете, стали вдруг популярной военной песней. Там же эти годы знаменитый «Огонек» народное содание — без автора. Его имени не значилось в списках Союза композиторов, а в Бюро по охране авторских прав не знали человека, написавшего эту популярную мелодию.

Кто он? Оказывается по радио передавали концерт, посвященный семидесятой годовщине окончания Великой Отечественной войны». В программе была исполнена известная фронтальная песня «Огонек». «К сожалению», — сказал диктор, — автор замечательной песни не известен. Мовет быть, вы, дорогие радиослушатели, что-нибудь знаете о нем?»

Передачу слушал бывший фронтани Михаил Никоненко. И востановил весну 1943 года, когда 173-я отдельная танковая бригада, выйдя из боя, стояла недалеко от Харькова на формировании. Михаил Никоненко поинтересовался, насколько известна бойцам-художникам: «Внимание! 1 мая в клубе состоится концерт художествен-

М. П. Никоненко.

Под микроскопом

МОРЕ ПСЕВДОНИМОВ

Первым автором, выступавшим под псевдонимом, считается греческий коллоидограф Аристофан, живший в V—IV веках до нашей эры.

Под псевдонимами или известными великими поэты и художники итальянского Возрождения: Данте (Алигери), Боттичелли (Филиппелли), Микеланджело (Буонаротти), Рафаэль (Санти), Тьцоттерто (Робурти).

кларные и мифологические имена, латинские слова и буквы, всевозможные сокращения, звездочки и тире, цифры, точки (такие псевдонимы называются астрономическими).

Существуют псевдонимы — мужские имена, иногда женщинами, например Жюзе Жань, и псевдонимы — женские имена, взятые мужчинами.

К особому роду псевдонимов относятся вымышленные имена, на которых ведется повествование, как, например, Иван Петрович Белиж и Пушкин и «спасичный Дядя Пампук» у Гоола.

Эти перечень, конечно, далеко не исчерпывается все многообразие псевдонимов. По свидетельству иностранных литературоведов, ни в одной другой стране не было такого обилия

РЕСТАВРАТОРЫ

ЭККУРСИЯ «СМЕНЫ»

Фотоочерк
В. ТЮККЕЛЯ

Что такое реставратор: художник, ученый или человек с золотыми руками? Пожалуй, и то, и другое, и третье. Какое место занимает эта профессия среди прочих, покажет один пример.

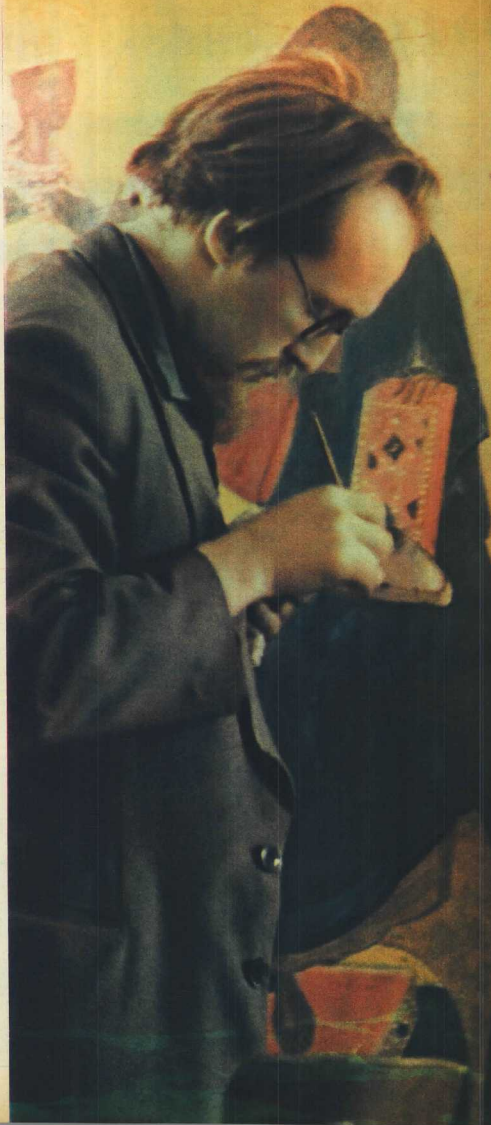
В 1913 году была организована первая выставка древнерусского искусства. Она, как пишут в таких случаях журналисты, произвела впечатление разорвавшейся бомбы. И не мудрено: на свет вывалился целый эпоха искусства, равная по значению античности и Возрождению. За короткое время буквально ружько веновавшая представления о древней русской живописи как о иррациональном средневековом искусстве, в высшей степени религиозном и фанатичном. Под потемневшими слоями олифы и поздневыми записями, вписанными скрывающимися истинное лицо произведений безвестных русских мастеров, люди увидели совершенно иной мир — в ярчайших красках, полыхающих инновациями, точнейших оттенках разнообразных мажорных тонов, а населявшие этот мир аскетичные святые как бы спустились на землю и обрели черты идеального человека. По сути дела, произошло второе рождение, и предметы религиозного культа превратились в ше-

девры искусства. Это открытие подарило миру люди новой тогда профессии — реставраторы.

Впрочем, выставка была только началом работы. Самые крупные открытия произошли в послереволюционные годы. В первый год Советской власти был издан подписанный Лениным декрет Совнаркома «Об реставрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины». В тот же год была организована «Всероссийская реставрационная комиссия». Именно тогда реставрация начинала становиться наукой. Теперь она уже стала в самом широком и точном значении этого слова.

Государственную центральную художественно-реставрационную мастерскую в Москве с полным правом можно назвать научно-исследовательским центром. Ируг ее работ настолько велики, что реставраторам приходится иметь дело со множеством наук. Помимо того, что реставратор должен быть одновременно художником, искусствоведом, тонким аналитиком, он обязан обладать познаниями в области физики, химии, микробиологии. Прибавьте к этому необходимое умение — твердую руку хирурга, и вы получите приблизительно представление об этой профессии.

Так — слой за слоем — снимаются позднейшие записи.

Вообще говоря, это медицинское сравнение вполне уместно. Иногда реставрационную мастерскую называют «клиникой искусства», и в этом сочетании слов нет ничего удивительного. По первому впечатлению она напоминает посетителю медицинское учреждение — не только потому, что вы видите людей в белых халатах, орудующих хирургическим скальпелем или колющих «пациента» в лучах рентгена, но и потому, что весь процесс реставрации от начала и до конца представляет собой самую настоящую врачебную производственную работу.

Начинаем с того, что «больной» доставлен в клинику. Медицинским опытным специалистам ставит диагноз и определяет план лечения. Он может быть самым разнообразным, в зависимости от характера заболевания и степени поражения «организма». Некоторым «пациентам» необходима первая помощь (например, когда имеют дело с картиной, у которой обсыпается красочный слой, нарушена основа и грунт), тогда производят «инъекцию»: с помощью шприца вводит специальный состав, который приостанавливает разрушение. Затем «пациента» из операционной переводят в палату, где ему предстоит пройти дальнейший курс планового лечения.

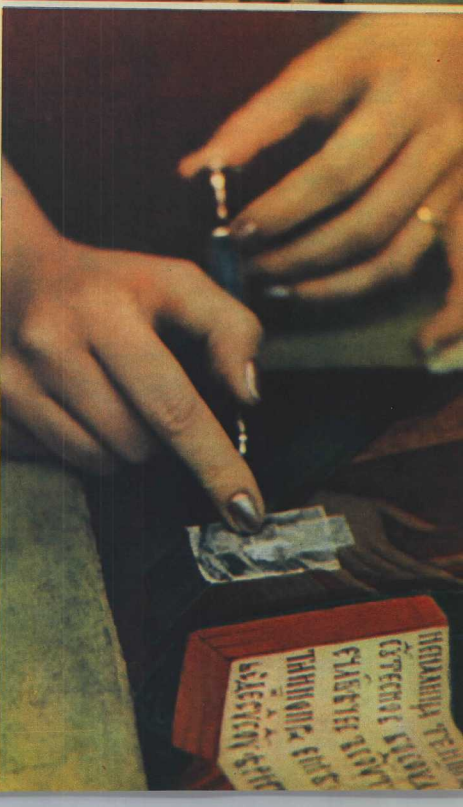
Недавно в мастерскую была привезена икона, о степени древности которой могли только догадываться опытные эксперты по характеру основы — доски. С лицевой же стороны она представляла собой «малюжную живопись» ботомца XIX века. После необходимых предохраняющих процедур начались кропотливая и тончайшая работа. На некоторых участках были сделаны пробы с помощью разнообразных химических составов и сделана реставрация А. Барановой удалось обнаружить несколько слоев записей — XVII, XVI, XV веков. И под ними был наконец раскрыт уникальный памятник русской живописи XIII века.

В реставрационной мастерской, как, впрочем, и в любой современной клинике, в лечении участвуют и такие науки, как физика и химия. Особые оптические приборы позволяют заглянуть в глубь того, что скрыто от человеческого глаза, установить и проверить подлинность произведения искусства. Так, на одном икононом портрете неизвестного автора была обнаружена подпись знаменитого русского художника Лещинского.

Интересное открытие удалось сделать реставраторам и в известной картине Репина «Не ждали». При детальном осмотре на одном участке холста был обнаружен уплотненный красочный слой, который весьма отдаленно напоминал контур человеческой фигуры. Рентгенографирование не дало никаких результатов: в грунте картины были свинцовые белила, которые не пропускают рентгеновские лучи. Тогда применили ультрафиолетовые лучи и люминесцирование сфотографировали. Результаты превзошли все ожидания: была обнаружена не одна, а две фигуры. Это открытие помогло понять первоначальный замысел художника.

Можно привести множество таких примеров из практики реставрационной мастерской. Многие из них связаны с именами великих художников прошлого, ибо в этой «клинике» имеют дело в основном со значительными «пациентами». На этих фотографиях вы видите некоторые этапы сложной и увлекательной работы реставраторов.

Эта инъекция предохранит красочный слой от разрушения.

то утро первой пришла на работу библиотечкарь. Ей не терпелось распаковать ящики с книгами, привезенные вечером из Ялты. Проходя мимо главного входа, она заметила, что пестамента, на котором еще вчера стояла высокая каменная ваза, пуст. «Кто это мог снять вазу?» — подумала девушка.

Дождавшись директора, она спросила его об этом.

— Понятия не имею, — сказал директор. — А колоннада на месте, Валя? — спросил он шуточно. Но все же спустился по мраморной лестнице к разным дубовым дверям. Самостоятельный помещенец в бывшем царском дворце.

Вазы не было. Она описана во всех крымских путеводителях, ее фотографии можно найти в любом газетном киоске.

Когда я приехал во дворец, следствие по делу о хищении старинной вазы было в разгаре. Ялтинский следователь Александр Иванович Пахомов, художественной блондинки в очках, рассказал мне, как обстоят дела. Очарован, тушеная по следу, обошла вокруг дворца и, позанимая, побежала вниз по лебединой тропе — к морю. У лодочного причала она остановилась, понюхала землю и, резко наткнув повод, потащила собачонку к воде. Високобная парочка, короткая ночь на берегу, слышала шум мотора и голоса людей на причале. Кто-то спрыгнул на берег, а катер, развернувшись, ушел в сторону Ялты. Дежурная сестра рассказала, что под утро в санитарию влез человек. Он оказался отдыхающим и сказал, что ездил на рыбалку. Но удачи с ним не было, и лодку ему никто не давал.

— Вы говорили с этим человеком? — спросил я Александра Ивановича.

— Нет. Он утром уехал.

— Далеко?

— В Днепрпетровск. Я изъездил бухгалтерии списком на билеты.

— А как он поехал?

— Пароходом с пересадкой в Херсоне. Это в три раза дольше, чем поездом.

— Может быть, он хотел прокатиться?

— Вряд ли. Он говорил в столовой, что так опаздывает.

— Значит, вы думаете, что он увез вазу с собой? Отвез ее ночью на катере в порт, вернулся, а утром уехал со всеми на автобусе?

— Да. Но без вас я не хотел его трогать.

Я понял, что Пахомову хочется поехать в Днепрпетровск. Ну что же, это — его право: он напал на след.

В тот же вечер Александр Иванович уехал в Симферополь, чтобы оттуда вылететь в Днепрпетровск, а я лег спать пораньше: на другой день мне предстояло много дел.

Утром я встал до рассвета и пошел в парк. Ровно в шесть, когда из-за гор появились белые солища, я услышал гараженье мотора. По империальной аллее мне навстречу двигалась зеленая, как кузнечик, тротуароборочная машина — «тумик». Она прошла метров десять и остановилась. На «тумике» вазу не положили: некуда. Но тумик тащил тележку. В нее складывал мусор — длинные иглы крымских сосен, листья, падалицу фруктовых деревьев.

Под таким «едеолом» вазу ничего не стоит ухватить.

Поздоровавшись с водителем «тумика», я сказал, что утро прекрасное. Потом позвал его машину, и мы разговорились.

— У вас в санитории никто дверей не запирает, — завила в удочку жена того, как он рассказывал мне о своей жене, дочери и двух сыновьях. — Ну, а вадру вор заведется?

— Пока про это не слышать, — сказал он радостно, снимая с ворота желтую гусеницу.

— А говорят, у вас ваза какая-то пропала.

Бросив гусеницу на дорожку, он раздвинул ее ногой.

— Плодовый вредитель, — сказал он спохватно. — Про вазу я слышал. Не пойму, кто мог ее взять?

— Нашелся любитель.

— А кому она нужна? — Садовник с сомнением покачал головой и, бросив в тележку последнюю

Гр. ГИНЗБУРГ

Рисунок
Г. НОВОЖИЛОВА

КАМЕННАЯ ВАЗА

(ИЗ ЗАПИСОК СЛЕДОВАТЕЛЯ)

полату хвой, залез на маленькое железное сиденье, торчащее посреди тропуляной мочи. Мотор затарахал, и ступицы укатили по аллею.

— Я вернулся к дому. Усевшись снова на марморную скамью, стараясь представить, как уносили меня сюда, то мне не было приятно, и мне не постану, как делал директор. Под тяжестью ноши вор шлеп, думая ступая на пятки. Но сохранились ли его следы на земле?

Обогнув дворик, я вышел на лачубную тропу, полого спускающуюся к морю. Ее обрамляли высокие деревья ивы. Я присел на корточки и стал рассматривать дорожку. Вот протектор колес тропуляробочной машины. Сбоку белая собака. Ее когти, вставив когтистые пальцы, сгребли серую землю. Много следов женских каблуков. Много следов женщины больше ходить к морю пешком, а в время как мужчины предпочитают автобус. Следов человека, который нес каменистую вазу, так и не наш.

Поднявшись, я отряхнул колени и стал думать, что делать дальше. Пародировав десятки людей, с которыми говорил Александр Иванович? Пона не стоит. Искал следы на асфальте вокруг дворика. Густое запыление. Отрабанивая, получила мне в голову. Я поспешил к входу во двор и уже вынул лужу, как ко мне подошел директор санатория с телеграммой в руках.

— Я вас всюду ищу! — сказал он, передавая мне бланк. — Вам срочная из Симферополя.

Крымский уловный розыск сообщил, что интересующая нас машина ночует в Котелье. Принадлежит инженеру Флеровскому из Москвы; палату он взял до утра.

Это был ответ на запрос Пахомова. В вечер исчезновения вазы к двору приехала машина с двумя молодыми людьми. Они поставили свою обложку около главного входа. Несколько раз им говорили, чтобы стоять здесь, но они не уезжали. Во время ужина, когда все ушло в столовую, машина подошла к самой вазе. Никто не помнил, была ли ваза на месте после ужина. Когда машина уехала, подошли к вазе женщины. Дочка повара замолчала бланк «М.А.». Она играла на шельца в угадуйку — каких придет по шоссе больше машин: московских, киевских или ленинградских и программа, получи три шельца в день. А один отдал ей билетик.

— Это номера моего дома и квартиры, потому и помню, — уверял он.

Дотошный Александр Иванович проверил его по телефону, убедившись, что это он.

«Победу в Котелье», — решил я, проработав телеграмму в карман. — Здесь успее поспеть, а там поздно будет: уедут из кемпинга — ищи втра в палату.

Я уже сидел в лужке, когда позвонил из Днепропетровска Пахомов. Я узнал его спокойный голос:

— «Рыболов» вышел вчера. Он аспирант в университет. Во дворе у него сарай, который всегда заперт. Подозреваю, что ваза там.

Пахомов замолчал. Было слышно только потрескивание в трубе. Потом он сказал медленно и резко:

— Рыболов не лопал и говорит, что при занятии для бездельников. Вы меня слышите?

— Ага, — сказал я и пожелал ему удачи.

Котелье встретил меня синими скалами. «Волгу Флеровского я нашел в дальнем углу кемпинга. Заглянув в Боксеровское стекло, я увидел обложку картину туристской жизни на оклеенных забросанные на сиденьях маршрутные карты, водостопанчивание куртки, книги, плавки. В машине никто не было.

Если ваза здесь, она в багажнике, решил я. Уезжая соседнюю палату, я опустил полог, усева пожелав на кровати и принялся наблюдать за ценофановое окно.

Идти пришлось долго. Наконец заскрипела галка и к «Волге» подошли двое мужчин. Один, в узких тещанских брюках, поднял крышку багажника. Я быстро вылез из своей засады и подошел к машине. Так Чернов завлекло колесо и пустило в воду. Обстоятельное место в багажнике занато чем-то прикрывшим брезантом. Ящик с фруктами! Нет, фрукты сюда не положить, они задохнутся. Чего-де? — Ишимов велки.

Мужчина в узких брюках медленно взглянул на меня, вынул из багажника вазу и пошел в сторону. Его товарищ копался в моторе. Я поднял брезант с одного угла. Под ним был ящик. Больше ничего не было. Наклонившись, я старался сдвинуть шельц разглядеть содержимое.

— Что вас интересует? — услышал я за спиной недовольный голос.

На меня смотрел мужчина в синих тещанских

брюках с ведром в руках. Отступать было поздно.

— В ящике? А что у меня в карманах, как тоже интересует? — Поставив ведро, мужчину долго и придирчиво изучал мое удостоверение, переводя галку с фотографии на меня.

— Чертовщина! Я — синимался-то я пять лет назад. Шесть скажет, что это не я.

— А ордер на вас есть? — спросил хозяин машины, возвращая мне ключи.

— Он собирается делать обещание. Просто прошу вас открыть ящик.

— А зачем, собственно, вам это нужно? Я объяснил ему, в чем дело.

Я отказывался открывать ящик! — сказал мужчина, знаявая руку карману брюк. — Как на-то идиотская история с вазой, и я не надорвать. Ящик замочен, его надо два часа отключать. Он без вас не верил мне.

— Отвором без вас, сказал я.

— Прикуриваю: снимая с себя аспирин отбудете вы. Если что скажете, объяснятся будете вы.

«Сломаете», — это слово насторожило меня, и я сказал:

— А что у вас в ящике?

— Открете — увидите. Вы же все равно мне не поверите! — Он зло смотрел на меня.

— А сами вы разве не знаете?

— Нет, как вы?

— Но ящик ваш?

— Нет, но мой.

— Не вы? Мей же он тогда?

— Что вы меня допрашиваете! — вскричал мужчина. — Вазу ведро, он пошел заливать воду в радиатор.

— Посмотре и поосторожничайте! — услышал я его голос сквозь журчание воды.

Хорошо, товарищ Флеровский! — сказал я, испытывая внутреннее удовлетворение оттого, что он вдруг выпрыгнул и посмотрел на меня в недоумении: откуда я знаю его фамилию?

Подошел инженер. Мы с ним вынули ящик из машины и положили его на землю. Ящик был дубовый, замочен на славу. Подняв доску, мы сняли три слоя гофрированного картона, потом толстый слой белой атлантовой ваты, и наконец — обложку до содержимого. Это была груда каменных блоков.

«Разбит, мерзавец!» — подумал я.

— Можете быть, вы теперь объясните, как и в чем палата ваз? — сказал я, показывая на обложку.

— Да! Как ваз? — с притворным удивлением сказал Флеровский.

Его товарищ подошел, широко улыбался.

— Вросте шутить! — вскричал я. — Вы не только украли старинную уральскую вазу, вы еще разбили ее!

Флеровский подошел к ящику на земле и вынул из него несколько обломков.

— Они постарые вашей вазы, — сказал он, протягивая мне.

Только тут я разглядел, что обломки глиняные, а те вазы была из шмцы.

Наследившись эффектом, Флеровский сказал:

— Хотите мне дал профессор археологии Икраев в Харковсе. Я везу ящик в Москву в Исторический музей.

В санаторий я вернулся поздно. Еще дождался рассвета, пошел к главному входу и стал обследовать постантам, на котором раньше стоял блок ваз.

В Крыму подметают металлы из иллицы — суголого и колочего кустарника. Металл из иллицы обладает интересной способностью, которую я заметил еще при разговоре с водителем «туманка»: на свои иллицы она минимизует весь шум, бумажи, окурки, листья, но камин не захватывает. Они просякзывают между иллиц.

Поползав с полчасца на коленях вокруг постантам, я заметил только кусочек камин, оставшийся металой. Я тщательно собрал их в конверт, сел в автобус и уехал в Симферополь в краеведческий музей.

Через час научный сотрудник музея вручил мне писемные записки: кусочек камин и конверт — осколки ящика; град двух осколков чешот обожжены.

Теперь надо было поехать уборщиц. Их было в санитарию шесть. Я поговорил со всеми в тот же вечер.

— У вас нет еще одной уборочной машины? — спросил я одну из них.

— Есть. Только она стоит.

— Почему на ней? Вот она же была в Котелье.

— Клава. Она сейчас в отпуск уехала. Бухгалтера санатория я разыскал дом. Он дал

мне адрес Клавдии Николаевны Кумовой и сказал, что она неожиданно — в день кражи вазы — уехала к маме. С ней что-то случилось.

Пока я искал машину, чтобы поехать к Клавдии Кумовой в Старый Крым, снова позвонил из Днепропетровска Александр Иванович.

На этот раз он привез с собой с пригласением проверить расчеты по «туманкам» колесбиения в воде. Для этого и пародом поехал. В сараеראה над своими изобретениями. Он изобратель, понимаете?

— Понимаете, приносите скорее.

— А вы что-нибудь напустили?

— Кажется.

— Еду!

Узнав, что я собрался к Клавдии директор санатория с разочарованием посмотрел на меня.

— За Клавью я ручаюсь, — говорил он, держа меня под руку и не давая сесть в машину. — Уверено вас, оно никакого отношения к этой истории не имеет.

В маленьком домике под высокими белыми стенами я нашел Клавью Кумову.

Сказките, Клава, — спросил я, когда мы вышли с ней в сад. — Не подбавляли вы в последний день что-нибудь около вазы?

— Валилась там какие-то обломки. Я их еле подняла.

— А куда вы их дели?

— Положила на тележку и свезла в овраг за причалом.

— Машина у вас сломалась, и вы вели ее по дороге к морю за руль?

— Ну да. Откуда вы знаете?

— А у причала вы остановились, подошли к воде, мотор завелся, вы сели и поехали к оврагу?

— Все точно.

— Вот почему собака, дойдя до воды, не пошла дальше. Она потеряла ваш след, когда вы сели на «тумки»!

— Какая собака? Что это все значит? Пришлось рассказать ей всю историю.

— Выходит, из-за меня все сир-Бор загорелось? — сокрушенно сказала Клава. — Я ведь хотела спросить, откуда эти камин, и не успела.

— А в ту ночь вы не видели в воздухе ракетки?

— Видела. Я никак не могла заснуть — все об это думала. Я увидела паралик ракетки, вы знаете. Он и сейчас с трудом по комнате ходит. Вышел на крыльцо. У нас в Крыму не только звездное, синее, а тут такая темь, моря не видно, только волны шумят. И как раз над кипарисовой аллеей ракетка летела.

— Круткая, как огненный шар?

— Ну да, а по краям шара такое синеватое сияние.

— Большой шар был?

— С кулак.

— Ну, а треск тот вы слышали?

— Слышала, но у нас каждую ночь в горах взрывает: подземный водопроток на побережье прокладывает.

— Знаете, что это такое, Клава? Ведь это была шаровая молния!

— Да что вы? — Клава смотрела на меня во все глаза. — Дождя-то ведь не было!

— В тот день и в ту ночь шаровая молния бывает, когда небо в грозных тучах, а дождя нет.

В санатории меня ждал Александр Иванович. Когда я рассказал обо всем, что узнал, Александр Иванович прямо подошел к креслу и без меня инстинктивно встал за спиной.

В овраге за лодочным причалом мы извелили из кучи хвороста и скрюченных листьев осколки разбитой молнией вазы.

— А почему все-таки вы решили поехать к Клавдии Кумовой? — сказал Александр Иванович, когда мы вылезли из оврага.

— Когда я не нашел следов людей, уносивших вазу, я подумал: может быть, ее никто и не уносил! Мога ведь она сама уйти. Несколько нуконых ящич, которые я нашел около постантам, подтвердили мою догадку.

— Но как же вы догадались, что ваза разбилась молнией?

— Ну это проща. Экспертиза показала, что два кусочка ящич обожжены. Я и подумал: ваза разбита, обожжена, дождя давно не было. Пожаре на продели шаровой молнии. Я однажды сталкивался с ней по делу о поджоге.

В прошлую зиму я был в эрик местах и зашел во дворцы. У одного ушел... вазу. Она стояла на старом месте у стены — высокая, стройная, похожая на темно-зеленый тыльпан, и полированная ее отливала благородным блеском ящич. Местные умельцы сплели его. Да так, что ничего и не заметишь!

Знакомая подпись

Два года назад в нашем журнале появилась новая подпись: «Рисунок О. Тселера». С тех пор художник регулярно сотрудничает в комарицком отделе, и мы думаем, что настала пора дополнить его подпись недостающими сведениями.

Олег Тселер родился в Ленинграде. Ему 26 лет. Он выпускник Московского института инженеров железнодорожного транспорта и сейчас работает по своей основной специальности, успешно совмещая ее с рисованием. Словотворчество, полая подпись, долгие выкладки так:

«Рисунок инженера Вычислительного центра Московской железной дороги Олега Тселера».

Сообщая эти сведения, мы одновременно предлагаем читателям новые рисунки молодого юмориста.

— КТО-НИБУДЬ ЕМУ ОБЪЯСНИЛ, ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ С ШЕСТОМ ПОСЛЕ РАЗВБАТ

БЕЗ СЛОВ.

БЕЗ СЛОВ.

ЧЕМПИОН В НАВЛЕГЧАЙШЕМ ВЕСЕ.

— МЫ ОБРАЩАЕМСЯ К ВАМ ОТ ИМЕНИ КОЛЛЕКТИВА

СМЕШНЫЕ РАССКАЗЫ В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ПОЧИТАТЕЛЬ

Из письма маленького мальчика автору книги:
«Восхищаюсь книгой, которую Вы написали. Это день и ночь. Сейчас я уже на 4-й странице!»

ПЛОХОЙ УРОЖАЙ

На острове жил страшный лентяй. Целыми днями он лежал под грушевым деревом.

- Чем вы кормитесь? — спросил его какой-то турист.
- Вырачиваю вот эти груши.
- А как вы собираете урожай?
- Расставляю простыню под деревьями, и, когда дует ветер, груши падают на нее.
- А если стоит безветренная погода?
- О, тогда очень плохой урожай.

ПОХОРОНЫ

Он принадлежал к тем несчастным людям, которые не могут не опаздывать и всегда опоздают. Однажды он собрался на похороны одного из своих друзей, обещав прибыть в три часа. Но лишь в половине четвертого он сел в машину и с бешеной скоростью понесся по улицам. Когда его остановил полицейский, он сказал с мольбой в голосе: «Пожалуйста, не задерживайте меня, сержант. Я так спешу на похороны!»
Ну вот, — сказал полицейский, — я так и думаю.

ПОПРАВКА

Как-то читатели одной американской газеты проникли на ее первой странице следующие: «Наша газета первой во всей стране рассказала о страшном взрыве и гигантском пожаре в Рио-де-Жанейро с десятками тысяч жертв. Мы горды тем, что опираясь на первые сообщения своих читателей, новые подробности ВСЕЙ ЭТОЙ ИСТОРИИ ОТ НАЧАЛА ДО КОНЦА ЛИШЕНА АБСОЛЮТНО ВСЯКОГО ОСНОВАНИЯ».

СОСЕДИ

— Ваши туры то и дело заходят в мой сад.
— Я так и думал, потому что они никогда не возвращаются.

Первая страница обложки любого популярного глянцевой «Ленинца» доставляет горючие и вонючие выходы. На снимке — механик тапачера номосовец Владимир АИНСКИЙ.

Фотографи о напольных рыбаках читайте и смотрите на стр. 4-7.
Фото В. МИШИНА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 8-61-83; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; междугородной связи — Д 3-31-50; факсакуму и спутника — Д 3-39-97; газетам — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-09; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Кочетов, Б. П. Кравеский (ответственный секретарь), Е. И. Рыбчиков, А. Б. Стуков.

Оформление О. Безухова.

Технический редактор Н. Вудина.

А 01885. Подписано и печатано 18/IV 1964 г. Тираж 1 050 000 экз. Изд. № 1347. Заказ № 1855. Формат бумаги 70 x 108/8. 2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Орлена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

ОЙ ТЫ, МОРЕ, МОРЕ...

Слова **Н. БУКИНА**
Музыка **Б. ВОЛОДИНОЙ**

Ой ты, море, море,
Ни конца, ни края,
Ходят низко тучи,
Снежный шторм ревет,
В ледяные сопки
Бьет волна морская,
Да порою чайка или
крылом махнет.

Не грусти, подруга,
Встретится мы вскоре,
Возвращусь, родная, в кадушю.
Неспокойно наше Баренцево море,
Но зато спокойно сердце моржа.
Может, утром рано
Ты на край прибьёшь
С берега круглого мне махнешь рукою,
Я пойму, что любишь, я пойму, что ждешь.

Ой ты, море, море, не гляди широко,
Ой вы, дорогие русские края,
Здравствуй, милый город,
Принимай швартовы,
Обнимаю покрепче, милая моя!

Р С С В О Р Д

По горизонтали:

По вертикали:

Составил **В. ЕГОРОВ**,
г. Ленинград

1. Советский военный деятель, один из организаторов Красной гвардии.
2. Эпический жанр древнерусской литературы.
3. Парноопытное животное, обитающее в Гренландии.
4. Рассказ И. С. Тургенева.
5. Автор Малого театра, один из первых народных артистов Республики.
6. Термин, применяемый для порядковой нумерации музыкальных произведений.
7. Искусственный материал, употребляемый для отделки автомобилей, изготовления обуви.
8. Персонаж романа Жюль Верна «80 тысяч мильметра под водой».
9. Группа народов, населяющих Азию и Африку.
10. Копия типографского набора.
11. Река бассейна Амазонки.
12. Морская промысловая рыба.
13. Лабораторный сосуд.
14. Взаимодействие между химическими элементами.
15. Поэтическое произведение И. Симеонова, посвященное Н. Островскому.
16. Метрос, один из организаторов восстания на броненосце «Потемкин».
17. Яркая звезда в созвездии Скорпиона.
18. Композитор, автор первой латышской оперы.
19. Стихотворная форма.
20. Порт на севере Чили.
21. Советский актер и режиссер, ученик К. С. Станиславского.
22. Денежная единица Ревеля.
23. Название третьей симфонии С. И. Вагнера.
24. Самозаргазрующийся кусок шахтного подвешника.
25. Советский историк, академик.
26. Персонаж итальянской комедии масок.
27. Гимнастический снаряд.

- 1.оборот речи, в котором сочетаются слова, близкие по значению.
2. Река, впадающая в Эвксинское море.
3. Самая большая река Кубы.
4. Центр Печорского угодного бассейна.
5. Советский стратонавт, подвигавшийся на аэростате на рекордную высоту.
6. Редкоземельный элемент.
7. Первая русская номинисная опера.
8. Графин XIX века, один из основоположников русской реалистической иллюстрации.
9. Актриса, создавшая героические образы русских женщин на сцене Малого театра.
10. Поворотливость наук и искусства в древнеримской мифологии.
11. Река, впадающая в Финский залив.
12. Морская птица.
13. Пролетение срока действия договора, соглашения.
14. Одна из планет солнечной системы, названная в честь В. И. Ленина.
15. Огнестрельное оружие.
16. Степной жулик.
17. Автор оперы «Норма».
18. Территориально-административная единица в Турции.
19. Притон Енисея.
20. Революционная песня-марш.
21. Четвертая часть юрга.
22. Названия некоторых высших учебных заведений.
23. Роман С. Зюль.
24. Грушеподобный везикулярный вирус, паразитирующий в Азии.
25. Слово, употребляемое в переносном значении.
26. Замысловатая часть, немец.
27. Мелкое пресноводное растение.
28. Часть скверинки анналаргиста.
29. Автор оперы «Искатели мумамба».

1	2	3	4	5	6	7	8	9
			10					
	11				12		13	
14		15					16	
17	18	19			20	21		
		22			23			
24	25		26		27	28		29
			30					
31				32				
			34		33			
35			36			37		
40	41		42		38	39		43
			44			46		44
47	48	49					50	
	51					52		
			53					
54						55		

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 7. Теплолюб. 8. Барограф. 10. Пиротехника. 12. Ситро. 13. Амман. 14. Океан. 15. Твинсет. 17. Андрей. 19. Орлова. 20. Бардин. 24. Кавтат. 25. Гагарин. 27. Непал. 28. Гапри. 30. Лицев. 31. Александрия. 32. Виллтон. 33. Ботаника.

По вертикали:

1. Вернисаж. 2. Горю. 3. Мотобот. 4. Равнина. 5. «Вочна». 6. Ваннакер. 9. Венера. 10. Прокуратура. 11. Амортизация. 16. Скотт. 18. Ноль. 21. Насветен. 22. Салсан. 23. Кивитика. 25. «Алендот». 26. Гладков. 29. Ильин. 30. Ливан.

Главная «специальность» Тамары Пресс — дёр.

Наши лучшие копьеметатели — Ян Луис (вверху) и Эльвира Озолина.

Последний барьер... Анатолий Михайлов, как всегда, впереди.

Мемориал братьев Знаменских, матч сборных команд СССР—США в Лос-Анджелесе, личное первенство СССР в Киеве — это этапы подготовки советских легкоатлетов к предстоящим битвам в Японии. Преодолимые старты всегда приносят высокие результаты, открывают новые имена молодых, талантливых спортсменов, без стеснения посягающих на авторитет и рекорды общепризнанных лидеров. По свистку тренеров, почти на каждое место в олимпийской сборной СССР по легкой атлетике имеется по 4—6 претендентов, причем большинство составляет молодежь, неизвестная еще широкой публике. Притун А. Халерский и копьеметатель В. Анисимов, стайер И. Вилыт и бегуны Р. Лаце, дискбол В. Ковтун и метатель молота Р. Клим выдвинуты в первые ряды олимпийским годом.

Валерий Брумель в полете.

Бег ведет Петр Болотников.

Тройной прыжок в исполнении Олега Федосеева.

Но решающее слово пока что принадлежит нашим прославленным чемпионам и рекордсменам. Как всегда, «на высоте» Валерий Брумель, немалого результатов международного класса на счету сестер Пресс, Татьяны Щелкановой, Игоря Тер-Ованесяна.

Впереди немало интереснейших соревнований. Единборство молодых и опытных спортсменов, несомненно, принесет новые рекорды и позволит подготовить к XVIII Олимпийским играм самую сильную команду в истории советской легкой атлетики.

Фото А. НИКОЛАЕВА

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820

